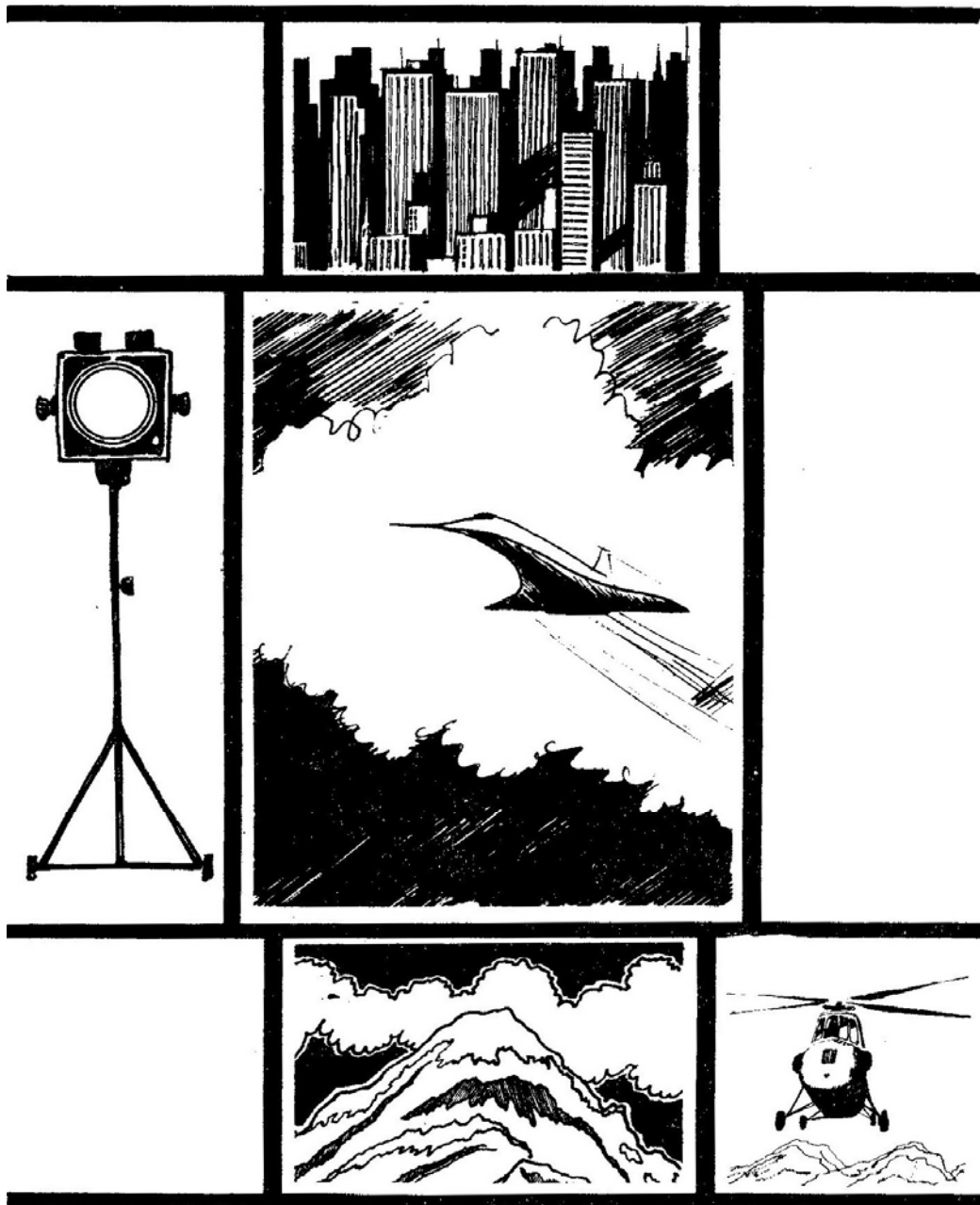

В. ТОКАРЕВА, Р. ГАБРИАДЗЕ, Г. ДАНЕЛИЯ

МИМИНО

ВИКТОРИЯ САМОЙЛОВНА ТОКАРЕВА окончила Ленинградское музыкальное училище, а в 1969 году — сценарный факультет ВГИКа. Член Союза писателей СССР. В. Токарева — автор сборников рассказов «О том, чего не было», «Когда стало немного теплее» и соавтор литературных сценариев художественных фильмов «Джентльмены удачи», «Совсем пропащий», «Сто грамм для храбрости».

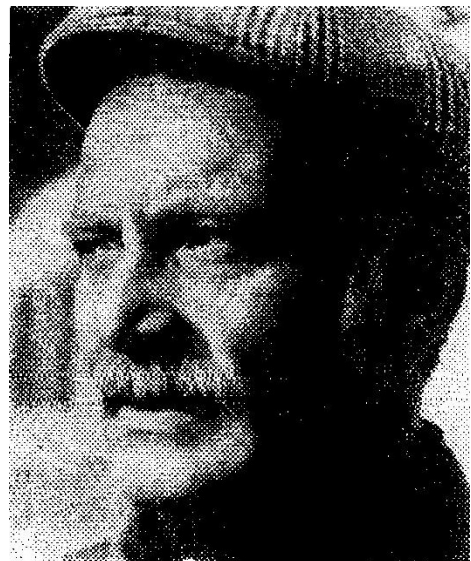

РЕВАЗ ЛЕВАНОВИЧ ГАБРИАДЗЕ (родился в 1936 году) учился на факультете журналистики, Тбилисского университета, затем работал в газетах Грузии. В 1968 году окончил Высшие сценарные курсы Госкино СССР. Его перу принадлежат литературные сценарии художественных фильмов «Не горюй!», «Необыкновенная выставка», «Чудаки», «Странствующие рыцари» и короткометражных фильмов «Серенада», «Кувшин», «Феола», «Белые камни» и др.

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ДАНЕЛИЯ (родился в 1930 году) окончил архитектурный институт и работал архитектором. В 1960 году окончил Высшие режиссерские курсы. Совместно с И. Таланкиным им поставлен фильм «Сережа» и самостоятельно — фильмы «Путь к причалу», «Я шагаю по Москве», «Тридцать три», «Не горюй!». «Совсем пропащий», «Афоня».

Фильм по литературному сценарию Виктории Токаревой, Реваса Габриадзе и Георгия Данелия «Мимино» режиссер Г. Данелия ставит на киностудии «Мосфильм».

По зелёному склону бежали олени. Над склоном висел вертолёт. А в нём — вертолётчик Валико Мизандари, Зарбазан, лохматый пёс невыясненной породы, и пожилой человек в форме лесника. Лесник смотрел на оленей и торопливо считал, шевеля губами. Подсчитав, написал в тетради: « $102+19=121$ ».

Полетели дальше. Небо прочертил сверхзвуковой лайнер и скрылся за хребтом.

Валико проводил его глазами и вздохнул.

Неожиданно залаял Зарбазан. Валико посмотрел вниз.

Внизу, по кустам ежевики, на задних лапах бежал, не оглядываясь, медведь, передними лапами он прижимал к груди украденный улей. За ним, в кальсонах и с палкой в руке, мчался всклокоченный мужик. Они промчались сквозь кустарник и скрылись в дубовой роще.

Лесник не удивился. Открыл тетрадь в том месте, где сверху значилось: «Медведи», и написал: « $2+1=3$ ». Потом захлопнул общую тетрадь, на обложке которой крупными буквами было написано: «ПЕРЕПИСЬ ЛЕСНЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ».

Вертолёт летел под облаками. Над горами. Между вершинами. Над древними крепостями. Над стадами баранов. Над деревушками. Пролетел над стройкой мощной плотины. Летел вертолёт, и рядом с ним парил орёл.

Валико пел.

Из-за горы показался другой вертолёт. Их разделяло километров пять.

— Валико, — раздалось из рации, — у тебя какой размер?

— Сорок первый, — ответил Валико в рацию.

— А...

— А что?

— Мне Нателла югославские туфли купила. Не лезут...

Вертолёты пошли в разные стороны.

— Слушай, а ты Андро отдай! У него тридцать девятый...

— Г-13 и Г-15! — раздался в рации железный голос. — Немедленно прекратите засорять эфир! Как поняли? Приём!

— Поняли, — отозвался Валико.

Снова полетели над стадами. Зарбазан увидел собаку и облаял её — то ли поругал, то ли поздоровался.

— А если уж хотите правду знать, — прозвучал в рации железный голос, — то у Андро не тридцать девятый, а сорок третий! Тридцать девятый — у меня.

На перевале одноногий Ваню косил траву. Заслышав стрекот вертолёта, он бросил косу и пошел к сарайчику, рядом с которым на шесте болталась полосатая метеорологическая колбаса. В сарайчике включил рацию и объявил:

— Сокол! Сокол! Я Норка-два! Посадку разрешаю!

Ваню надел лётную фуражку и вышел на поляну.

Вертолёт сел и взбаламутил всю скошенную траву. Отворилась дверца, и на землю выскочил Валико. Следом за ним появился Зарбазан, а потом — мужик в ватнике. С суровым видом мужик начал вытаскивать баранов. Бараны упирались, он хватал их за шерсть и выкидывал, как мешки.

— Принимай почту, — Валико вытащил из карманов два помятых конверта.

— Почту принял, — сказал Ваню и спрятал конверты в карман.

— Распишись, — Валико протянул планшечку.

Ваню стал расписываться.

— Э! — К Валико подошёл пастух. — Их теперь всего восемнадцать, а было девятнадцать. Где девятнадцатый?

— Себя ты посчитал? — спросил Валико.

— Нет.

— Так девятнадцать — это вместе с тобой было. Я же тебя тоже считал.

— А... вон в чём дело. Себя я не посчитал. Аца! — И погнал баранов к старому разбитому автобусу.

Там его ждал второй мужик в ватнике. Они, даже не поздоровавшись, принялись впихивать баранов в автобус прямо через окно.

— Объявляется посадка на рейс номер два! Пассажиров просим приготовиться, — прозвучал над поляной голос Ваню.

Неподалеку от сарая под навесом стояли весы. На весах — влажные мешки с сыром.

— Кто летит? — спросил Валико, подходя.

— Все, — коротко ответил старший по возрасту.

— Прошу на весы, — пригласил Валико.

Горцы с неторопливым достоинством выстроились на весах и теперь смотрели на Валико значительно, как с семейной фотографии.

— Двадцать килограмм лишних, — сказал Валико, взглянув на шкалу.

— А что делать? — спросил старший.

— Вы на какой базар хотите: туда или туда? — Валико показал сначала пальцем вниз, под гору, а потом поднял палец в небо.

Горцы посовещались, и старший решил:

— Петре останется.

Валико посмотрел на маленького тощего Петре, прикинул его вес.

— Грузите! — разрешил он.

Горцы подхватили мешки.

— На сиденья не кладите! — велел Валико. — А то весь салон провоняли своим сыром.

Валико залез в кабину, выглянул.

Петре стоял в стороне и грустно смотрел на отъезжающих. Он собрался в город и был во всем парадном: в каракулевой папахе, новом ватнике, в галифе и новых калошах на шерстяные носки.

— Что смотришь? Это тебе не осёл. Это авиация. Грузоподъёмность ограничена! — закричал на него Валико.

Петре не шелохнулся.

— Тьфу! — плюнул Валико. — Залезай!

Петре неторопливо, с достоинством зашагал к вертолёту. На ходу он достал пачку «Примы», закурил.

— Эй! Не кури! Взорвёмся! — заорал Валико.

Петре остановился, подумал. Потом повернулся и пошёл от вертолёта.

— Эй! Ты куда? — крикнул Валико.

— А! Иди ты! — Петре был человек гордый.

Вертолёт Г-13 стоял на площадке. Под ним в тени дремал Зарбазан.

Из вертолёта вылез Валико с веником и большим совком, на котором среди овечьего помёта и сена валялось еще и надкушенное яблоко. Огляделся, высыпал мусор под вертолёт. Зарбазан одним глазом покосился на яблоко, вздохнул и отвернулся. Валико кинул совок и веник в салон, запер дверь.

Неподалеку начальник вертолётного отряда Гиви Иванович Гоглидзе и вертолётчики Игорь Бобров и Андро Гигаури прикрепляли к вертолёту оросительное устройство. Вернее, прикреплял Гиви Иванович, а Игорь и Андро с почтением наблюдали.

— Шайбу, — коротко приказал Гиви Иванович.

Игорь двумя пальцами взял с расстелённой на траве газеты шайбу, положил на грязную ладонь начальника, левой рукой достал из правого кармана платок, тщательно вытер пальцы и устало вздохнул.

— Гиви Иванович, — к ним подошёл Валико, — мне в город надо. Дай ключи.

Гиви Иванович посмотрел на Валико.

— Галстук, — строго приказал он.

Валико вытащил из кармана форменный галстук, нацепил его и протянул руку.

— Нет.

— Почему? — удивился Валико.

— Глушитель мне оторвали?

— Это заводской брак был, — сказал Андро.

— Это меня не касается... Фары разбили? Разбили. А вчера Надя под сиденьем помаду нашла...

— Гиви Иванович, я ж ей все объяснил, — сказал Игорь. — Я свою сестру в больницу отвозил.

— А пробка от шампанского?!.. Хватит! Всё! Больше никому не дам. Сам научусь и буду возить свою семью...

Жёлтый «Запорожец» мчался по шоссе. В нём сидели Валико и Зарбазан. Валико пел.

...«Запорожец» стоял возле магазина «Универсам». В нём, прижавшись мордой к стеклу, сидел Зарбазан. Валико и молоденькая продавщица в белом халате вынесли из магазина большой мешок муки. Бросили в багажник. Валико поцеловал продавщицу в щёчку.

...На краю пыльной базарной площади стояла деревянная будка с вывеской, на которой на трёх языках — грузинском, русском и английском — было написано: «Головные уборы».

Хозяин мастерской, худой носатый мужчина в очках, Дмитрий Георгиевич Такашвили, по прозвищу Кукуш, двумя руками натягивал модельную кепку на лысую голову клиента. Возле будки остановился «Запорожец», и в мастерской появились Валико и Зарбазан.

— Привет, — поздоровался Валико, садясь на стул.

— Скажи ему, пусть уйдет, — велел Кукуш, кивнув на Зарбазана. — От него сыром воняет. И так дышать нечем.

— Иди, — Валико вытолкнул Зарбазана ногой.

Кукуш наконец натянул кепку на клиента, повернул его к зеркалу:

— Ну вот, совсем другой человек, а?

— Всё равно немножко жмёт, батано Дима, — деликатно возразил клиент.

— Дорогой мой, — покровительственно улыбнулся Кукуш, — сейчас лето, жара. От тепла предметы расширяются. А эта кепка зимняя. Зимой у тебя голова будет меньше. Иди.

— Спасибо большое, батано Дима! До свиданья, — сказал клиент и пошёл.

В дверях он захотел снять кепку, но та не поддавалась.

— Зимой, зимой, — напомнил Валико.

В витрине магазина «Мясо» липучкой было приклеено объявление: «Имеется в продаже свежий бараний ум!»

Кукуш и Валико вошли в магазин, поздоровались за руку с продавцом. В подсобном помещении, где висели бараньи туши, Кукуш, подойдя к телефону, набрал 07.

— Роза! Я Кукуш! Тбилиси хочу. Тётю Нину... Жду... — Он повернулся к Валико: — Армянин, азербайджанец и грузин поспорили, какой народ древнее... Алло! Тётя Нина! Здравствуйте, как поживаете?.. А как тётя Лена и тётя Вера?.. Спасибо, я тоже ничего. Тётя Нина, у меня к вам маленькая просьба. В Тбилиси на четвёртую базу завезли тульские школьные парты...

— Экспериментальные, — подсказал Валико.

— Экспериментальные. Надо, чтобы их в первую очередь выделили нашему району. У нас в Минпросе кто-нибудь есть?.. А где есть?.. В молочном комбинате? Ещё лучше! Пусть они позвонят — им никто не откажет!

— В крайнем случае, можно только для одной школы, — сказал Валико.

— Отстань, — отмахнулся Кукуш. — Это я не вам! Тётя Нина, еще маленькая просьба. Пусть они ещё позвонят в потребсоюз, чтобы мне выдали за наличный расчёт тридцать пять метров латышского букле «Викинг», цвет беж, и сорок катушек нитки «Пролетарочка»...

«Запорожец» мчался по шоссе со скоростью сто километров. Валико нервно поглядывал на часы. Он опаздывал. Из будки ГАИ вышел инспектор и поднял палец. Валико затормозил и радостно заулыбался.

— С какой скоростью ехали? — спросил инспектор.

— А! Васо, дорогой, слушай новый анекдот: грузин, армянин и азербайджанец поспорили...

— Знаю, — сказал инспектор. — Права.

Валико нехотя протянул документы. Инспектор раскрыл права. С фотографии на него смотрел Гиви Иванович.

С неба лило. На подоконнике, в помещении районного аэропорта в Телави, прятался мокрый нахохлившийся петух. Шесть самолетов и два вертолета стояли на поле, припав на хвосты. Их поливал мелкий дождь. Пассажиры жались под навесом.

В кабинете начальника аэропорта было шумно.

— Товарищ Гоглидзе! Восемьсот штук голландских! Будьте человеком! — умолял экспедитор Цинцадзе.

— Слушайте, я же вам сказал — на сегодня все пилоты свои часы отлетали. — Гиви Иванович посмотрел в окно и увидел в кузове подъехавшего грузовика Валико.

— Это демагогия, товарищ Гоглидзе! Пассажир может неделю ждать! Ничего с ним не случится! — закричал экспедитор. — А голландские куры каждую секунду могут испортиться!

— Секундочку!

Гиви Иванович выбежал из кабинета, пересёк зал, где на скамейках и чемоданах сидели и лежали пассажиры, и остановился в дверях.

От грузовика с мешком на плече шёл Валико. За ним семенил Зарбазан. Завидев начальника, Валико остановился, виновато вздохнул. Зарбазан, поджав хвост, шмыгнул на крыльцо.

Валико поставил мешок на землю. Надел галстук. Снова взвалил мешок на плечи и, преданно глядя на начальника, сказал:

— Гиви Иванович, этот ГАИ совсем вас не уважает. И права у тебя отобрал! И машину!..

На краю лётного поля, в стороне от лайнера, стоял вертолет Г-13. Под ним, в тени, дремал Зарбазан. Два грузчика таскали к вертолёту ящики с курами.

— Осторожно, — командовал экспедитор Цинцадзе.

— Не хрусталь, не разобьются...

— Давай быстрее, — поторапливал Валико. — У меня сегодня ещё рейс. Стемнеет.

В деревне Таркло, в низком, длинном, сложенном из нетёсаного камня здании, колхозники изготовляли овечий сыр. Работали, в основном, женщины и старики.

У входа в дом, за деревянным мокрым столом сидел десятилетний Варлаам — племянник Валико. К нему на стол укладывали уже готовые, но еще не затвердевшие головки сыра, и Варлаам, извлекая из ящика синие пластмассовые латинские буквы, вдавливал их в белую массу. Получалась надпись: «ЧИИЗ ГУДА».

Прадед Варлаама, старый Гоча Мизандари сидел во дворе на большом плоском камне и камнем поменьше разбивал каменную соль.

Послышался стрекот вертолета. Варлаам вскочил на ноги. Выглянул в дверь.

— Гоча! Валико прилетел! — крикнул он.

Гоча приложил к глазам ладонь, посмотрел в небо.

Валико Мизандари — артист Вахтанг Кикабидзе

Валико сверху видел, как по жёлтой траве навстречу ему бегут дети в разноцветных рубашонках.

Вертолёт сел на лужайке неподалёку от родника, возле которого дремал осёл. Тут же подбежал Варлаам, быстро подвёл цепь под корень огромного пня, обвёл её вокруг шасси и замкнул на большой амбарный замок.

Остальные дети остановились метрах в двадцати от машины. Из салона вертолёта вышла молодая пара. Они вытащили новую детскую коляску и покатали её по каменистой тропинке в сторону домов, лепящихся друг к другу на склоне горы.

Валико выбросил из кабины мешок с мукой и два яуфа*. Выпрыгнул сам и закрыл дверь на маленький ключик.

— Как поживаешь? — спросил он.

— Ничего... Тут что? — Варлаам показал на яуфы.

— «Разбитый кувшин». — Валико взвалил мешок на плечо и пошел.

— «Разбитый кувшин»! — крикнул Варлаам сверстникам. Подхватил яуфы, зашагал за дядей.

Спросил: — Про войну?

— Про любовь. Варлаам вздохнул.

— Зарбазан не появлялся? — спросил Валико. — Я его потерял где-то.

— Прибежит, никуда не денется, — сказал Варлаам. — Вах, как быстро переделась!

Навстречу им по каменистой тропинке спускалась, ведя за уздечку лошадь, Лали — девушка лет двадцати. Она была причёсана, принаряжена. На ногах сапоги, отливавшие перламутром.

— Здравствуй, Лали, — приветливо поздоровался Валико. — Я позвонил.

Спасибо большое, — не глядя на Валико, проговорила Лали и быстро пошла к роднику.

*

Металлические коробки для перевозки киноплёнки.

Под пальмой стоял стол с золотыми ножками. На нём — рулетка. К рулетке подошёл молодой человек прекрасной наружности, достал из портфеля толстую пачку денег и положил перед крупье — толстым человеком в голубом фраке и красной феске.

— Салям алейкум,— сказал он.

— Ты Али, сын бедняка Рустама, который влюбился в Сорю, дочь богача Максуда, и бросил родной дом и невесту? — спросил крупье.

— Да, я тот Али, который умирал от жажды в Африканской пустыне, который перенёс лихорадку в джунглях Бразилии. Я тот Али, который заживо гнил в соляных копиях Борнео. Здесь всё, что я заработал. Я ставлю на число тринадцать и отдаю себя в руки всевышнего!

Подошла мулатка с подносом. Раздалась тихая сладкая мелодия, и девушка исполнила танец живота.

Молодой человек простер руки к небу.

Шарик остановился перед цифрой 13.

Под открытым небом была натянута простыня. Шло кино. На лавочках сидели дети, старики и старухи, собаки и куры. Показывал и переводил с русского на грузинский Валико. Переводил страстно. Почти пел. Лали стояла в стороне, возле дерева. Смотрела то на Валико, то на экран.

В изумрудном зале дворца стояли аристократы. Молодой человек подошел к старику в жёлтых шальварах и поставил перед ним четыре чемодана.

— Здесь миллиард,— сказал он и посмотрел на рыжую чернооую красавицу Сорю.

Соря улыбнулась ему, сверкнув золотыми зубами.

— Вы человек не нашего круга, — сказал старик.

Молодой человек со слезами на глазах посмотрел на Сорю, достал из кармана пистолет и выстрелил себе в висок.

— Прощай, Соря, — прошептал он и упал на мраморный пол.

— Вай!—выдохнули зрители.

Симпатичный человек в черном смокинге склонился над несчастным:

— Я выдающийся врач. Я могу вас вырвать из когтей смерти.

Умиравший открыл прекрасные глаза и прошептал:

— Кувшин можно склеить — разбитое сердце никогда.

Валико выключил проектор, смахнул слезу и объявил:

— Всё! Кино кончилось!

Зрители не расходились. Сидели ошеломлённые зрелищем, шмыгали носами. От дерева отделилась Лали.

— Дети,— сказала она официальным тоном.— Завтра после уроков мы обсудим этот фильм. Прошу всех подготовиться. Тема: «Любовь и дружба в капиталистическом обществе».

Дед, Варлаам и Валико сидели за столом.

В комнату вошла Като, сестра Валико. Поставила перед старым Мизандари котелок, сама села напротив.

Старик руководил трапезой. Сначала он перекрестился. Потом взял ложку, зачерпнул из котелка лобио и наполнил тарелку Варлаама. Далее старик наполнил тарелку Валико. Наполнил свою тарелку. Отодвинул котелок к Като.

Разложив лобио, Мизандари взяли кувшин с вином. Первый стакан — себе, второй — Валико. Варлааму тоже плеснул на доньшко и разбавил водой. Подняв свой стакан, сказал:

— За Варлаама.

— Будь здоров, Варлаам, — сказал Валико.

Дед отпил, посмотрел на Варлаама и спросил:

— Кино видел?

— Видел.

— Вот и сиди дома. Понял?

— А я и сижу, куда мне деваться?

— Вот и сиди.

Некоторое время ели молча.

— Валико, — спросил Варлаам, — их миллиард на наши деньги сколько?

— Не твоё дело, — сказал дед. — Ты своим делом занимайся.

— Я и занимаюсь...

— Вот и занимайся...

Где-то далеко заиграл рояль.

— Когда тебя нет, не играет, — сказала Като брату.

— В Европе теперь никто на пианино не играет, — сказал Варлаам. — Теперь играют на электричестве. Нет, Валико?

— Ерунда, — сказал дед. — На электричестве нельзя играть — током убьёт.

— Убьёт? — Варлаам посмотрел на Валико.

— Нет. Они резиновые перчатки надевают, — пояснил Валико.

Помолчали.

Валико вытер хлебом тарелку, встал, отошел к окну. Музыка доносилась с противоположного склона. Там светились окнами несколько домиков.

Варлаам отошел к своему столику. Тщательно вытер руки о штаны. Сел, раскрыл учебник и начал зубрить:

*Прибежали в избу дети,
Второных зовут отца:
Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца!*

— Валико, «тятя-тятя» что такое?

— Отец.

— Дерьмо он, а не отец! — вдруг рассердился дед.

— Дедушка! Здесь ребёнок, — сказала Като.

Дед бросил на стол ложку и вышел из комнаты.

— Чего это он? — удивился Варлаам.

Като посмотрела на Валико.

— Плохо себя чувствует, наверно, — сказал Валико.

— Пошли послушаем, — предложил Варлаам.

— Пешком или по воздуху?

— По воздуху.

...Вертолет чёрной тенью перелетел на противоположный склон, приземлился неподалеку от огоньков.

В маленьком физкультурном зале одноэтажной школы стояло пианино, а за ним сидела Лали и старательно играла красивую мелодию.

— Добрый вечер.

Лали смутилась, перестала играть.

— Играй, играй, Лали, — Валико облокотился на подоконник.

Лали снова заиграла. Валико и Варлаам стали подпевать в два голоса. Послышалось тяжелое пыхтение. К школе, высунув язык, приплелся Зарбазан. Сел у ног Валико и сладко зевнул.

На аэродроме в Тбилиси среди прочих самолетов стоял красавец-гигант ТУ-144. Вокруг него собрались летчики и с большим интересом осматривали новую машину.

Валико стоял возле своего вертолёта, грузился курами.

— Мимино! Здорово!

По полю шел командир нового лайнера — высокий блондин. А рядом с ним две стройные стюардессы. Все трое белозубые, загорелые, в безукоризненно отглаженных формах. Как с рекламы «Аэрофлота».

— Жебрюнас?! — поразился Валико. — Какими судьбами?

— Да вот, Дели не принимает. — Командир обернулся к девушкам: — Знакомьтесь, это Мимино. Вместе лётное училище кончали.

— Тимофеева, — представилась брюнетка.

— Мизандари.

— Комарова, — протянула руку блондинка.

— Валико, — сказал Валико.

— Лариса Ивановна. А Мимино — это фамилия?

— Кличка, — сказал Валико.

— Мимино по-грузински сокол, — пояснил Жебрюнас.

— Похож, — улыбнулась блондинка и посмотрела на Валико синими глазами.

Кадр из фильма

— Ну пока, старик, — махнул рукой Жебрюнас.

— До свидания, — сказала Лариса и пошла.

Валико стоял и смотрел, как удаляется Лариса, отодвигая от него свой прекрасный образ.

Валико лежал на койке летного общежития. Смотрел в потолок. В дверь заглянул Игорь.

— В турбазу на танцы идешь?

— Нет, — ответил Валико.

— Тогда я беру твою рубашку.

Игорь залез под кровать, вытащил из сумки рубашку в горошек. В дверях обернулся:

— Андро хинкали варит...

Валико лениво поднялся. Сунул ноги в шлепанцы. Прошел на кухню. Там Андро, подвязав полотенце вместо фартука, лепил хинкали. Пел.

— Что едим, — покачал головой Валико, — тесто и мясо? Варвары.

Подошел к окну, облокотился на подоконник. Отсюда был виден Телавский аэропорт. Молодая женщина мыла под фонтаном ножки ребёнка. Помыла. Поставила ребёнка на чемодан.

Послышался далекий гул. Небо прочертили красные огоньки сверхзвукового лайнера.

На весах в аэропорту «Норка-2», на фоне сверкающих вечным снегом вершин, стояли маленькая старушка и маленькая тощая корова.

— Нет, — мотнул головой Валико, — нельзя! Здесь продай.

— Здесь никто не купит. Здесь её все знают.

— Нельзя, тётя Домна, — вздохнул Валико.

Старушка сошла с весов, развернула закутанную в тряпочку варёную курицу, показала Валико. Тот снова покачал головой. Старушка горько вздохнула, повернулась и пошла. Корова — за ней. Зарбазан залаял на Валико.

В аэропорту Телави старый грек Аристофан опустил кисть в ведро с жёлтой краской и мазнул по стене.

— Может, этот колор? — спросил он Гиви Ивановича. — Или все суриком покроем? Решай.

— Подожди. Ну... Дай подумать...

— Гиви Иванович! — донёсся с диспетчерской вышки голос дежурного.

Когда начальник поднялся на вышку, дежурный протянул ему бинокль.

— Глянь-ка!

Гиви Иванович приложил окуляры к глазам.

Но небу летела корова. Она висела в смастерённой из мешков люльке и, звеня колокольчиками, плавно раскачивалась под брюхом вертолёта.

— Строгий выговор с предупреждением и лишение премиальных! — сказал Гиви Иванович стоящему перед ним Валико Мизандари.

Валико молчал.

— Ну, что стоишь? Иди. Работай. — Гиви Иванович уткнулся в бумаги.

— Гиви Иванович, — тихо сказал Валико. — Напиши мне характеристику на переквалификацию.

— Какую ещё переквалификацию?

— Я хочу в большую авиацию вернуться.

Гиви Иванович вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Устный выговор без лишения премиальных. И иди, иди, пока не передумал.

— Нет, Гиви Я серьёзно решил.

Гиви Иванович посмотрел на Валико, встал из-за стола, похлопал Валико по плечу:

— Хорошо, никто ничего не видел. Коровы у нас сами летают. А если тебе куда-нибудь надо поехать... — Гиви Иванович достал ключи от машины и опустил их в нагрудный карман Валико. — Только не превышай скорость...

— Хозяин, — в кабинет вошёл Аристофан. — А может, этот колор? — Он показал кусок фанеры, выкрашенный в синий цвет.

— Вы почему без разрешения входите? — вдруг заорал на него Гиви Иванович. — Что за манера?! Идите в коридор и ждите, пока вас вызовут!

Аристофан швырнул фанеру на пол.

— Сам ищи колор. Сам крась. Меня здесь уже нет! — И ушел.

— Секундочку, — Гиви Иванович бросился за маляром. Из коридора донеслось: — Аристофан!
Подожди! Что, шуток не понимаешь?.. Аристофан... Аристофан...

Валико достал из кармана ключи и положил их на стол.

Было раннее утро.

На краю обрыва стояло старое полузасохшее дерево. К его веткам были привязаны лоскутки. По обычаям предков, это поминание. Живые поминали ушедших. Здесь были старые, полуистлевшие лоскутки и новые, разноцветные, яркие.

Валико подошел к дереву и привязал свой галстук.

Стали спускаться по тропинке к вертолету. Впереди бежал Зарбазан. Следом Варлаам с сумкой «Аэрофлот». Далее Валико, Като и дед.

— Валико!

Это с другого склона горы крикнул пастух в бурке.

— Чего?

Их разделяло километра два, но слышимость была хорошая.

— Ваню просил, чтобы ты ему подковы привез. Подковы!

— Привезу! — крикнул Валико.

Он взял деда под руку, отвел к роднику. Достал из кармана деньги.

— Дедушка, у меня четыреста тридцать рублей. Вот. Двести пятнадцать вам и двести пятнадцать мне. А когда устроюсь, буду присылать.

Дед спрятал деньги в карман, сказал:

— Валико, сынок, слушай меня внимательно. Если его встретишь — не убивай. Сам знаешь, какие сейчас времена. Не так поймут.

— Ладно, не убью,— согласился Валико и пошёл к вертолету.

В ручке дверцы он увидел букетик горных цветов. Оглянулся. В раме школьного окна мелькнуло лицо Лали. Валико спрятал букетик в карман. Открыл дверцу, и туда тут же прыгнул Зарбазан.

Валико молча обнял родных. Потом вытащил собаку из кабины, опустил на землю.

— Я тебе бинокль пришлю, — сказал он Варлааму.

Залез в кабину и захлопнул дверцу.

Зарбазан завыл, встал на задние лапы и начал скрести когтями металл обшивки.

— Он не вернётся,— грустно сказал дед.

Валико включил зажигание. Заревел мотор, закрутились лопасти винта, стремительно набирая скорость. Ветер ударил в лица провожающих. Зарбазана отбросило на несколько метров.

— Не хочу бинокль! Не надо!— закричал Варлаам.— Не уезжай!

Но грохот мотора поглотил его крик. Валико ничего не услышал. Он улыбнулся, помахал всей рукой и посмотрел на приборы.

Тогда Варлаам, преодолевая сопротивление ветра, подбежал к вертолёту, обмотал цепь вокруг шасси и замкнул на замок. Мотор взревел, вертолёт напрягся и вырвал цепь с корнем.

*Забудем край тот,
Где мы так страдали,
Где ничего не видали
Кроме печали...*

На кухне обыкновенной московской квартиры Родион Васильевич Сеницын, плотный блондин лет сорока, напевая, варил манную кашу. В дверь позвонили.

— Леночка, открой!— крикнул Сеницын.

Из комнаты вышла семилетняя девочка и, спросив: «Кто там?», открыла.

На площадке, в кепке Кукуша и с полиэтиленовым бочонком в руке, стоял Валико.

— Это квартира Сеницына?

— Папа! Грузин приехал! — крикнула девочка и удалилась в комнату.

— Здравствуйте, заходите, — сказал Сеницын, появляясь из кухни.

— Здравствуйте, — Валико снял кепку. — Вам письмо от тёти Нины. — Он почтительно протянул письмо.

Сеницын вскрыл конверт, стал читать. Валико огляделся. Пристроил бочонок рядом с детскими санками. Сеницын дочитал письмо, спросил:

— Как она себя чувствует?

— Всё так же...

— Софа!

Вошла молодая женщина с грудным ребенком на руках.

— Надо товарища в гостиницу устроить.

— В «Россию», если можно, — попросил Валико.

Софа кивнула, села к телефону.

— Извините, там у меня каша, — Сеницын убежал в кухню.

— Садитесь, — Софа указала на ветхое антикварное кресло, и Валико присел на краешек. — Алло! Это мебельный магазин? Якову Борисовичу привет! Это Сеницына. Нет, я не насчёт зеркала. У нас чепе. Приехал племянник Родиона Васильевича, надо его в гостиницу «Россия» устроить... Сейчас узнаю. Родя! — крикнул Софа. — Ты на «Лебединое» два билета можешь сделать?

— Постараюсь, — донеслось из кухни.

— Да, может... — сказала Софа в трубку. — Ага... Запомню... Фамилия? — Софа вопросительно посмотрела на Валико.

— Мизандари, — шёпотом подсказал Валико.

— Мизандари... Спасибо. Билеты будут в кассе. Чао. — Софа положила трубку.

Валико встал.

— Быстренько топайте в Западный блок,— сказала ему Софа, — найдите там администратора Европейского симпозиума эндокринологов Воронина. Скажите, что от Якова Борисовича. Он всё устроит.

— Спасибо большое. До свидания.

Валико ушёл.

Из кухни высунулся Сеницын.

— Софа, кто такая тётя Нина из Тбилиси? Не помнишь?

— Нет.

— И я не знаю,— вздохнул Сеницын.

Когда такси остановилось возле гостиницы «Россия», на счётчике было десять рублей сорок копеек.

Валико дал таксисту тринадцать.

Таксист укоризненно посмотрел на Валико. Тому вдруг стало стыдно и он дал ещё пятерку.

В двухместном номере «России» на кровати у окна лежал горбоносый мужчина в очках. Читал журнал «За рулём». В дверь постучали.

— Кто там?

— Я. Здравствуйте. — В комнату вошел Валико.

— Здравствуйте...

Мужчина снял очки и внимательно осмотрел вошедшего.

Валико поставил сумку на подставку для чемоданов. Снял лётную куртку, кепку, повесил на вешалку. Открыл шкаф. Там лежали две новые крышки для «Жигулей».

— Дук хай ек? — спросил мужчина.

— Че*, — ответил Валико.

Мужчина встал. На соседней кровати вытянулся надутый жёлтый крокодил. Мужчина взял крокодила, вернулся на место, лёг. Выдернул затычку, прижал игрушку к груди. Из крокодила со свистом стал выходить воздух.

Валико разложил свои вещи по полочкам, поставил возле кровати шлёпанцы. Подошёл к телефону. Аппарат стоял на тумбочке соседа. Валико хотел перенести аппарат на свою тумбочку, но шнур оказался слишком коротким.

— Стационар, — коротко пояснил сосед.

— Извините... — Валико придвинул стул к постели соседа. Сел к нему боком, набрал номер.

— Да? — прозвучал в трубке мужской голос.

— Это квартира Народного артиста СССР, солиста Большого театра товарища Сеницына? — спросил Валико.

— Да.

— Это Валико говорит. У меня всё в порядке. Ещё раз спасибо.

— Пожалуйста.

Валико положил трубку. Покосился на соседа. Воздух из крокодила тем временем весь вышел, и сосед начал скатывать его, начиная с головы.

Валико встал, прошёлся по номеру. Остановился около окна, посмотрел на заснеженную Красную площадь. Часы на Спасской башне показывали половину шестого. Валико посмотрел на свои часы, перевёл время. Потом присел к столу, стал листать толстый телефонный справочник. Нашёл нужный номер, стал звонить.

— Алло, — раздался в трубке лёгкий голос.

Валико торопливо нажал на рычаг. В глазах соседа зажглось любопытство. Валико посмотрел на него и повернулся спиной. Посидел немного, снова набрал номер.

— Алло!

— Здравствуйте... — начал Валико. Сглотнул волнение. — Ларису Ивановну позовите, пожалуйста.

— А кто это?

— Это Валико... Который Мимино. Помните?

— Здравствуйте, Валико, который Мимино.

* — Ты армянин? — Нет. (арм.)

— А это вы? — спросил Валико.

— Я, — ответили в трубке.

Сосед не отрываясь смотрел на Валико большими печальными глазами.

— Лариса Ивановна, а что вы сегодня делаете? — спросил Валико.

— Ничего.

— Тогда знаете что... Давайте вместе поужинаем.

— Давайте.

— Тогда знаете что... Приходите в гостиницу «Россия». Западный вход. В семь часов. Я вас буду внизу ждать.

Сосед постучал Валико в спину, зашептал:

— Пусть подругу позовет. Подругу...

Валико отмахнулся.

— Алло! Здесь очень красиво... Музыка играет. Придѣте?

— Непременно.

*Всѣ очень просто!
Сказки — обман!
Солнечный остров
Скрылся в туман! —*

выкрикивал певец на эстраде.

Валико вошёл в ресторан, огляделся, неторопливо пересѣк зал, сел за столик возле эстрады и легким, едва заметным кивком подозвал официанта. Небрежно отодвинул протянутое меню, доверительно сказал:

— Это не надо. Что есть хорошего, принеси. Я — вдвоем.

Официант понимающе кивнул и скрылся.

Валико так же неторопливо направился к эстраде. Что-то проговорил на ухо барабанщику, показывая пальцем на дверь, и положил на барабан двадцать пять рублей.

10... 6... 3... 2... 1... — зажигались цифры на табло. Блямм... Блямм... — нежно проиграл колокольчик, дверь лифта открылась, и вышел горбоносый сосед Валико. Глубоко засунув руки в карманы клетчатого пиджака, он прошел мимо длинной шеренги чемоданов с наклейками гостиниц всего мира. Увидев нервно расхаживающего по вестибюлю Валико, посмотрел на часы. Было без двадцати девять. Сосед покачал головой и пошёл в ресторан.

Валико увидел, что к гостинице подкатило такси, в котором сидела женщина. Выскочил на улицу.

Это была не Лариса.

Ресторанные оркестранты отдыхали.

— Вот он, этот чайник, — сказал барабанщик, увидев уныло плетущегося через зал Валико.

Музыканты быстро расселись по местам, и солист объявил в микрофон:

— Эта песня посвящается нашему гостю из солнечного города Телави! — Показал рукой на Валико и запел:

— Тбилисо, мзис да вардебис мхарео...

Сопровождаемый любопытными взглядами, Валико прошествовал к изобильно накрытому столу. Ковырнул вилкой красную игру... и тут увидел своего соседа.

Сосед медленно пересекал зал. Приблизился к эстраде, что-то сказал барабанщику и вернулся за свой стол.

Песня «Тбилисо» быстро угасла, солист объявил:

— А эта песня посвящается нашему гостю из солнечного Лениакана! Товарищу Хачикяну!

Оркестр заиграл песню «Ереван».

Гость из солнечного Лениакана сел за свой столик. А гость из солнечного Телави встал, пошел к оркестру.

А чуть позже два «солнечных» гостя лихо выплясывали перед эстрадой лезгинку...

Пожилой человек с бородкой подошел к метрдотелю и погрозил пальцем:

— Предупреждаю! Если вы немедленно не прекратите эту декаду, я сообщу куда следует. Сюда люди пришли отдыхать, в конце концов!

Часы на Спасской башне пробили восемь утра. По Красной площади бродили голуби.

Валико сидел в кресле, мрачно уставившись в одну точку.

— Как подождать? Что значит нету?! — кричал в трубку Хачикян. — А почему Узбекистан вчера получил?.. Нет! Сто тридцатую не возьму!.. Сто тридцатую пусть Узбекистан берёт! У нас горы, дорогая, горы! Дорогая, ты в зоопарке была? Верблюда видела? Каким тоном? Каким тоном знаю, таким говорю! Алло!.. Алло! — Бросил трубку, обернулся к Валико: — «Дорогая» никому не говори.

...Валико и Хачикян ели сосиски в буфете.

— Здесь за углом, вон там. — показал Хачикян за окно, — кафе «Богатырь». Очень хороший. Комплексный обед — суп, второе, и третье, и сладкое — тридцать семь копеек..

Валико посмотрел на Хачикяна, отвернулся и воскликнул:

— Ва!

Мимо буфета по лестнице поднимался на задних лапах медведь в сомбреро и джинсах. За медведем шёл пожилой человек с сигарой в зубах.

— Мики! — крикнул пожилой человек вниз и вместе с медведем скрылся за лестничным маршем.

За ними на четырёх лапах пробежал маленький медвежонок, тоже в сомбреро и джинсах.

— Американский цирк, — объяснил Хачикян. — Слушай, если резиновый крокодил жёлтой краской покрашу, смоемся?

Валико пожал плечами.

— Смоется, — сказал сам себе Хачикян. — Понимаешь, Альбертик просил жёлтый, а в магазине только зелёный...

Валико вздохнул.

— Валик-джан, — сказал Хачикян. — Ты только не обижайся, но вы, грузины, не совсем хорошо умеете с девушками разговаривать.

— А кто умеет хорошо? — саркастически улыбнулся Валико. — Армяне, да?

— Подожди, не залезай в бутылку, — примирительно помахал рукой Хачикян. — Я тебе умные вещи скажу. Этот Лариса Ивановна очень правильно сделала, что не пришла...

— Почему?

— Вот мой дочка Алла, — стал объяснять Хачикян, — если мальчик ей позвонит и скажет: пошли в ресторан, туда-сюда, потанцуем, — я про него плохо подумаю. А если скажет: Рубен Варганович, можно я с Аллой пойду на культурное мероприятие? Я скажу: пожалуйста, иди дорогой... Понял?

...Потом Хачикян звонил из гостиничного номера по телефону.

— Алло! Ларису Ивановну хочу!

— Это я, — помедлив, ответил легкий голос.

— Здравствуйте. Это Хачикян говорит, друг Мимино, который Валико... Лариса Ивановна, Валико Зурабович уехал на спецзадание, меня просил позвонить...

— Константинович, — поправил Валико, сидевший на своей кровати.

— Э, какая разница!

— Что? — спросил голос.

— Ничего, Лариса Ивановна, он поручил вас спросить, в какой вы театр сегодня хотите пойти?

— А он что, волшебник?

— Зачем волшебник?

— Может в любой театр билеты достать?

— Может.

— И в Большой?

— Конечно.

— И на Таганку?

— Таганка? — Хачикян удивился, закрыл ладонью трубку, зашептал Валико: — Таганка — тюрьма.

Сурен там сидел. Большой шутница, этот твой Лариса Ивановна...

— Алло, алло! — раздался в трубке голос.

— Ты говори, говори, — замахал рукой Валико.

— Алло, алло, — закричал в трубку Хачикян. — Куда это вы исчезли? Таганка — нет! Большой. Без пятнадцати семь он вас будет ждать у второй колонны...

— Спроси, почему вчера не пришла? — взволнованно зашептал Валико.

Родион Синицин — артист Владимир Басов

— Слушай, я ж тебе всё объяснил, — отмахнулся Хачикян и продолжал в трубку: — Как мне Валико Вахтанговичу доложить? Придёте?

— Непременно.

Хачикян положил трубку.

— Хачикян, когда захочет, всё может. Валик-джан, если не трудно, мне тоже билет возьми. Я Большой театр очень люблю — никогда не был. — Снял трубку, протянул её Валико: — Звони своему артисту.

В помещении касс Большого театра на стенах были развешаны афиши, одна из них изображала Родиона Синицына в роли Трубадура.

— Три билета на имя Синицына, — нагнулся Валико к окошку.

Кассирша протянула ему конверт.

— Восемнадцать рублей.

— Сколько? — переспросил Валико. — Дорогая, всего три, всего три.

— А здесь и есть три. Партер. Не в кино идёте, молодой человек.

Валико в лётной фуражке с папкой в руках вошёл в подъезд здания ГВФ.

...В аэропорту Телави Гиви Иванович и Игорь красили стену суриком.

— Иванович! — позвали из окна. — Вас Валико к телефону зовёт!

...Валико в будке междугородного телефона-автомата кричал:

— Пусть Андро возьмёт талоны на дрова и отвезёт моим! Всё в порядке! Бумаги приняли! Завтра дадут ответ!.. Конечно, возьмут! Сказали: такие лётчики, как я, на дороге не валяются! Ну, обнимаю вас всех... О, подожди! Чуть не забыл: передай Ваню, что подков в Москве нет!

Потом он долго гулял по столичным улицам. Весело насвистывая, шагал по бульвару, вдоль заледеневшего пруда, где катались на коньках дети в разноцветных шапочках.

Достал пачку сигарет, закурил. Уронил перчатку. Интеллигентная старушка подняла перчатку, догнала Валико.

...Возле лотка с мороженым выстроилась очередь. Валико стал в хвост.

...На рынке он взял большой букет роз, положил на прилавок двадцатипятирублёвку.

...Возле Ильинских ворот полюбовался на памятник гренадёрам, павшим под Плевной. Пошёл вниз по бульвару. Разбежался, прокатился по ледяной дорожке. Понравилось. Вернулся. Разбежался. Заскользил и упал.

...В гостинице, в комнате быта, Валико старательно гладил брюки. Пел.

...Продолжая напевать и пританцовывая, шёл по коридору. Навстречу два узбека в халатах пронесли завернутый ковёр, держа за концы.

...Валико пел и в ванной, пока блаженствовал в пене бадусана.

Пел и когда чистил ботинки.

В дверь постучали.

— Да...

В номер вошла решительная блондинка в голубых джинсах.

— Здравствуйте. А где товарищ Хачикян?

— На автобазе.

— Вы не знаете, он думает о чём-нибудь или нет?

— Не знаю, — сознался Валико.

— У него в среду доклад, а он до сих пор рукопись в бюро переводчиков не сдал. Как дети! — Блондинка достала из сумки пластмассовую табличку и положила на стол. — Это его визитка. До свидания. — И ушла, хлопнув дверью.

Блямм... Блямм! — проиграл колокольчик.

Из лифта, вежливо отстранив индианку в золотистом сари, вышел Хачикян. Пошёл по коридору, напевая: «Солнечный остров скрылся в тумане...»

— Дали! Сто тридцать первый дали! — радостно сообщил он дежурной по этажу.

...На белой пластмассовой табличке, в верхнем углу, был вытеснен контур Европы, а посередине золотом написано: «ХАЧИКЯН. СССР».

Хачикян внимательно рассмотрел табличку, повернулся к Валико.

— Кто принёс? Гостиница?

— Гостиница, — кивнул Валико, брившийся у зеркала.

— Валик-джан, какой народ, а! — Хачикян покачал головой. — Пришёл... Спросили, как фамилия. Говорю: Хачикян. Здравствуй, говорят, Хачикян. Иди, говорят, Хачикян, десятый этаж, тринадцатый комната... И ни копейки не взяли... А теперь, вот, значок...

— А для чего значок? — спросил Валико.

— Как для чего? Очень удобно. Сразу видно — откуда ты, как зовут... А тебе не дали?

— Нет.

— Не переживай. Я достану. Мне сто тридцатый модель был написан, а я сто тридцать первый получил. Хачикян, когда захочет, всё может. — Он снял пальто, надел клетчатый пиджак, прицепил к лацкану табличку. — Валик-джан, когда я умру и апостол Пётр спросит меня: «Куда ты хочешь, Хачикян?», я скажу: «Никуда не хочу. Посели меня гостиница «Россия». Западный корпус. Любой этаж...»

В дверь постучали, и в номер вошел полный курносый блондин в очках. За ним горничная с комплектом постельного белья.

— Кто здесь Хачикян? — по-армянски спросил блондин.

— Я, — улыбнулся Хачикян и показал табличку.

Блондин снял с Хачикяна табличку, прицепил её к лацкану своего пиджака и сказал:

— Такие, как вы, позорят землю предков.

...Лифт шёл вниз. Мрачные Валико с Хачикяном и человек пять японцев смотрели в пространство.

— Не могу понять, — тихо сказал один японец другому, кивнув на Валико и Хачикяна, — как эти русские различают друг друга.

...К «России» подъехал «Икарус». Из дверей выпрыгнула блондинка в голубых брюках, а следом молодой мужчина с двумя тяжелыми сумками. Оба прошли в вестибюль.

Навстречу им шагали Хачикян и Валико. Хачикян нес чемодан и крокодила. Валико — покрывки.

— А вот и он! — обрадовалась блондинка. — На ловца и зверь бежит.

— Кто зверь? — мрачно спросил Хачикян, останавливаясь.

— Вы, — улыбнулась блондинка. — Товарищ Хачикян, во-первых, вот вам приглашение на банкет, — она достала из сумки спутника конверт. — А во-вторых, где доклад? Только вы один не сдали. Его же перевести надо.

— Слушай, я тебе разве говорил, что я эндокринолог? Говорил?!—Хачикян резко надвигался на блондинку.

— В чём дело? Ничего не понимаю...

— Что не понимаешь? Он Хачикян и я Хачикян! У меня такая дочка, как ты, а меня аферистом называют! Пошли!

— Стойте! — девушка пошла следом. — Простите, но верните значок, пожалуйста...

— Нету! Скушал! — прорычал Хачикян и пошёл.

— Подожди! — задержал его Валико. Обернулся к девушке в голубых брюках. — Как не стыдно? Живого человека на улицу выгоняют... Какая разница: эндокринолог или не эндокринолог? Вот я например, тоже не эндокринолог. Ну и что?

— Как ваша фамилия? — спросила девушка.

— Мизандари!

Огромный новенький ЗИЛ-131, выкрашенный оранжевым, остановился возле гостиницы «Олень». Из него с вещами вылезли Валико и Хачикян.

— Ни двухместного, ни одноместного — ничего нет! — объяснила администратор гостиницы.

— А для них есть? — спросил Хачикян, указывая в сторону длинного стола, где группа молодых скромных ребят заполняла листки.

— Это спортсмены.

— Знаем, какие спортсмены, — улыбнулся Валико. — Десять минут назад я тоже был эндокринолог.

— Не знаю, кем вы были, но этот парень, — администратор показала на одного из ребят, — только что перепрыгнул через все эти чемоданы.

— Через эти? — переспросил Валико. — А если и я перепрыгну?

— Значит, и вы — спортсмен.

— Эти? — Валико показал на длинную вереницу чемоданов.

— Эти.

— Не надо, Валик-джан, — попросил Хачикян.

Но Валико разбежался и прыгнул. Зацепился ногой за пятый чемодан и рухнул лицом на каменный пол.

Вечер. К освещённым колоннам Большого театра подъезжали машины всех марок мира, такси, автобусы. Мимо Валико текла, торопилась разноликая и разноязыкая публика. В руках у него была пудреница с зеркальцем, и он тщательно припудривал синяк под глазом.

— Товарищ, у вас лишнего билетика не найдется? — спросил у него какой-то моряк.

— Нет, — сурово ответил Валико.

— Еще не пришла? — К Валико подошёл Хачикян.

— Нет.

Хачикян посчитал колонны:

— Раз, два... Правильно стоим... — подтвердил он и посмотрел на синяк Валико. — Совсем незаметно, Валик-джан.

А в это время в квартире Ларисы две девочки лет тринадцати — Вероника и Татка — сидели у телефона. Ждали.

— Не звонят, — сказала Татка.

- Сейчас позвонят, — откликнулась Вероника.
И действительно тут же раздался звонок.
— Они, — Вероника сняла трубку. — Алло? — проговорила она взрослым голосом.
— Лариса Ивановна, это вы? — прозвучал голос Валико.
— Ага, — Вероника подмигнула своей подруге.
— Лариса Ивановна, что случилось? Почему вы не пришли?
— А кто это говорит? Валико, который Мимино? Или его друг Хачикян?
— Валико.
— Давай, давай, — подтолкнула Татка Веронику.
— Алло... Алло... Вы меня слышите?
— Знаете что, Валико, катитесь вы колбаской по Малой Спасской! — выкрикнула Вероника и положила трубку.
...Валико вышел из будки телефона-автомата. Не мигая, уставился на Хачикяна.
— Что, она еще дома? — удивился Хачикян.
— Армяне очень хорошо умеют договариваться с женщинами, — сказал Валико.
— Что? — не понял Хачикян.
— Ничего! Женщин у нас миллионы, а Большой театр один. Пошли!
...Валико и Хачикян сидели во втором ряду партера.
— Что он сказал? — спросил Хачикян Валико.
Валико пожал плечами. Хачикян посмотрел в бинокль, потом обратился к соседке справа.
— Гражданка, этот актер как фамилия?
— Синицын.
— Не, этот в красном платье?
— Краснопевцева.
Хачикян достал блокнот, записал. Сообщил соседке:
— Потом Альбертику расскажу.
...Поздним вечером, после спектакля, Валико и Хачикян шли мимо витрин ЦУМа.
— Это его мама была? — спрашивал Хачикян.
— Которая?
— Которая пела.
— Там все пели...
— Которая умерла потом.
— Там все умерли.
Хачикян помолчал, потом запел:
— Нет, не удастся мерзким злодеям! Мерзким злодеям! Погубить мою маму!
Возле витрины, где на манекенах демонстрировались женские платья, Хачикян остановился.
— Валик-джан, покажи, который на Лариса Ивановна похож?
— Этот, — Валико показал на манекен в купальнике. — Пошли, пошли... Ну где твоя машина?
— Там, — Хачикян махнул рукой в сторону переулка.
Хачикян остановился, оглядел манекены, покачал головой. Потом догнал Валико:
— Ты и она — не две пары сапогов. Ты видный мужчина, а она... Возьми кошку, опусти в воду, вынь, посмотри — такая же худая...
— Ну, где твоя машина? — раздраженно спросил Валико. — Ты что ее за двадцать километров поставил?
— Здесь. — Хачикян свернул в переулок и снова запел: — Нет, не удастся мерзким злодеям, мерзким злодеям мать погубить! Погубить, погубить мою маму, мою мамочку, мою ма...
И вдруг замер. Двор был пуст. Повернулся к Валико, в глазах у него стояли слезы.
— Украли, — прошептал он.
— Как украли?
— Украли... — Хачикян схватился за голову и начал причитать. — Вай, Альбертик, нет у тебя папы, нет у тебя больше папы!
— Подожди, не сходи с ума! Ты точно помнишь, что это тот двор?
— Тот. Вот мусорный ящик.
— Подожди, слушай! Здесь узко, ты тут не проехал бы!
Хачикян оглядел арку, не согласился:
— Я проехал бы...
— Что там ещё было?
Около ящика женщина курила...

— Пошли! — Валико выбежал в переулок. Хачикян за ним.

Забегали в следующий двор, там тоже было пусто. Забегали в третий... Там, возле мусорных баков, сверкая никелированными частями, стоял новенький оранжевый ЗИЛ-131.

— Цаватанем! — Хачикян медленно подошел к грузовику и припал губами к металлической ручке. Стоял мороз, и губы Хачикяна мгновенно прилипли к металлу. Он попытался их отодрать. С третьей попытки ему это удалось. Хачикян в сердцах сплюнул на снег.

Возле Донского монастыря по заснеженной мостовой медленно двигалась снегоочистительная машина. Было раннее утро. Машина остановилась, выскочивший шофёр подошел к оранжевому грузовику, стоявшему у тротуара. Постучал в окно. Оттуда высунулся заспанный Хачикян.

— Друг, подай назад свой лимузин. Мешает.

Хачикян закрыл окно и завел машину. Проснулся и Валико.

— Что, опять выселяют? — спросил он.

— Нет уж. Здесь я сам себе Хачикян.

Валико пощупал лицо, посмотрел на себя в зеркало. Под глазом расплылся огромный багровый синяк.

...Оранжевый грузовик ехал по Садовому кольцу.

— Мотор послушай. Слышишь? — предложил Хачикян.

— Слышу, — угрюмо отозвался Валико.

— Ничего не слышишь. Это сто тридцатый грохочет. А в сто тридцать первом, как часики: тик-тик-тик... А сиденья какие... потрогай... А в сто тридцатом дерматин... Зад прилипает...

Хачикян затормозил у светофора, спросил у водителя такси, стоявшего рядом:

— Дорогой, гражданская авиация правильно еду?

— Правильно. На Цветном — направо, — сказал таксист.

— Э, Валик-джан, — трогаясь с места, сказал Хачикян. — Зачем тебе эта большая авиация? Поехали со мной. Мама долму приготовит. Долму любишь?

— Нет, — буркнул Валико.

— Это потому, что у вас не умеют готовить. Настоящая долма — это... — Хачикян поцеловал кончики пальцев.

— Может, скажешь, что у нас и сациви не умеют готовить? — хмуро спросил Валико.

Хачикян снисходительно улыбнулся.

— Не говори теперь только, что шашлык тоже грузины придумали.

— А кто? Армяне?

— Знаешь что, дорогой, ты меня извини, но вот в Дилижане на кухне простой кран откроешь — из него вода льётся, по вкусу второе место занимает в мире.

— А первое в Ереване, да?

— Нет, первое в Сан-Франциско!

— А Боржоми?!

Хачикян не ответил. Крутанул руль. Прижал машину к тротуару.

— Всё. Дальше грузовой движенья нет.

— До свидания, — сухо попрощался Валико. Взял сумку, выскочил из машины, зашагал по тротуару.

Грузовик резко рванул с места, обогнал Валико. Проехал метров двадцать, затормозил. Из кабины вылез Хачикян с крышкой в руке.

— На! Продай!

— Зачем?

— У тебя денег мало! У меня тоже мало! На!

— Спасибо, не надо! Я позвоню — мне пришлют.

— Ну, пока пришлют, туда-сюда... Продай!

— Нет, Рубик, дорогой, не возьму... Как продам? Кому?

— Пошли! — сказал Хачикян и свернул во двор.

Здесь он принялся внимательно изучать колёса стоящих перед домом «Жигулей».

— Вот, — Хачикян увидел «Жигули» со стёртыми крышками. — Совсем лысые.

У подъезда сидела старушка с коляской.

— Бабушка, чья это машина? — спросил старушку Хачикян.

— Из пятой квартиры, кажись...

— Пошли, — Хачикян вошел в подъезд.

...Хачикян нажал на кнопку звонка, и дверь открыла женщина в шелковом халате.

— Дорогая, нам сказали, вам покрышка нужна, — Хачикян показал женщине покрышку.

— Нугзар! Иди сюда! — крикнула женщина и захлопнула дверь.

— Возьмут! — уверенно сказал Хачикян.

Дверь снова отворилась. В дверях стоял сидящий красавец.

— Вот, друг, покрышку тебе принесли... За полцены. — Хачикян показал красавцу покрышку. —

Совсем новый.

Красавец увидел Валико и оцепенел.

— Ах, вот ты где! — по-грузински воскликнул Валико. — Теперь ты от меня не уйдешь!

Красавец хотел захлопнуть дверь, но Валико подставил ногу и потянул дверь на себя.

— Тося! — завопил красавец. — Звони в милицию! Он меня убьёт!

Зарбазан дремал на дровах, уложенных под школьной лестницей. Услышав стрекот вертолёт, поднял рваное ухо, открыл глаза. Над покрытой снегом деревней Таркло летел вертолёт. Зарбазан отвернулся и снова положил морду на лапы. К школе на лошади подъехал Исидор Осиаури — почтальон. Не спеша слез, достал из подвешенной к луке седла сумки пухлый конверт.

А в классе уютно потрескивала железная печка. У печки учительница Лали объясняла геометрическую задачу. Третьеклассники сидели за новенькими партами, внимательно слушали.

— Здравствуйте, люди. — В класс вошел Исидор, и ученики встали. — Извините, уважаемая. Помешал?

— Ничего, ничего... Здравствуйте, дядя Исидор. Садитесь, дети.

— Авиа, — прочитал Исидор на конверте. — Заказное. Папишвили Варлааму. — Исидор подошёл к Варлааму, положил на парту конверт и квитанцию. — От Мизандари В. К. Распишись вот тут.

Варлаам неторопливо расписался, старательно выводя каждую букву. Вернул квитанцию. Спрятал конверт в парту и как ни в чем не бывало уткнулся в учебник.

В классе стояла тишина. Ученики и учительница с любопытством смотрели на Варлаама. Исидор постоял, обернулся к Лали, потом заглянул в лицо Варлааму:

— Открой!

— Дома открою! — не отрываясь от учебника, ответил Варлаам.

— Не имеешь права, — сказал Исидор.

Варлаам отложил учебник, полез в карман, вытащил перочинный ножик с деревянной ручкой, открыл, почистил лезвие о брюки. Потом достал конверт, положил его перед собой и аккуратно вскрыл ножом. Класс замер. Варлаам извлёк из конверта глянцевый цветной проспект, на обложке которого красовалась гостиница «Россия». На другой стороне проспекта размашистым почерком было написано: «Моему маленькому Варлааму от любящего дяди».

Снедаемые любопытством дети, потеряв горскую сдержанность, окружили Варлаама. Подошла и Лали.

— Разверни, — потребовал Исидор.

Проспект раскрылся, как гармошка, и предстали картинки из роскошной жизни в гостинице «Россия». На самой большой фотографии три нарядные красавицы, сидя на высоких крутящихся стульях возле никелированной стойки бара, заманчиво улыбались в аппарат. Возле каждой красавицы стояли кавалеры с бокалами шампанского в руках.

— Вот Валико, — сказал конопатый Тариэл, ткнув пальцем в брюнета в полосатом костюме.

Сестра Мимино — артистка Зейнаб Боцвадзе

— А где усы? — засомневалась маленькая Тина.
 — Сбрил, — объяснил Тариэл. — Здесь все без усов.
 Лали отвернулась. И тут увидела Зарбазана, который незаметно проник в класс.
 — А ну, пошел отсюда! — закричала она. — Тебя здесь только не хватало!..
 Зарбазан покорно повернулся и вышел из класса. Лали захлопнула дверь.

Хмурый конвоир вел Валико по тюремному коридору. Валико, небритый, осунувшийся, шёл, заложив руки за спину.

— Стой! — приказал конвоир и открыл одну из дверей. — Сюда!

Комната была узкая, выкрашенная в серый цвет. Наверху — маленькое решетчатое окно. Стол и два стула были привинчены к полу. Сидевшая за столом девушка испуганно смотрела на Валико большими светлыми глазами.

— Садись, — приказал конвоир и вышел. Присев, Валико посмотрел на девушку.

Та сидела ни жива, ни мертва.

— Здравствуйте! — нарушил затянувшуюся паузу Валико.

— Здравствуйте...

— Вы мой адвокат?

— Меня назначили...

— А сколько вам лет?

— Это моё первое дело, и вы имеете право отвести мою кандидатуру и попросить более опытного адвоката.

— Какая разница...

— Ну что вы! Большая разница. — Девушка стала рыться в папке — Вообще-то, я только выгляжу как девочка. А мне уже двадцать три года... Я на всякий случай записала себе все вопросы. Вот первый: «Валентин Константинович! Что побудило вас совершить этот поступок?»

— Ничего.

— Была у вас раньше неприязнь к Папишвили?

— Нет.

— А за что вы его избили?

— Я его не бил. Он в туалете заперся.

— А люстру разбили?

— Да. Люстру — да...

— Почему?

— Потому что он мерзавец.

— Вот вы только что сказали, что он мерзавец. Значит, у вас была к нему неприязнь, — обрадовалась девушка.

— Не было.

— Валентин Константинович! — взмолилась она. — Поймите! Сейчас ваши действия квалифицируются как злостное, циничное хулиганство. Статья двести шестая, часть вторая. И наказываются лишением свободы сроком от одного года до шести. Но если есть причина, факт личной неприязни, то дело квалифицировалось бы как мелкое хулиганство. Двести шестая, часть первая. Там от шести месяцев до года. Понимаете, как это важно?

— Не было никакой неприязни, — сказал Валико.

К дверям народного суда подъехала белая «Волга». Из неё вылезли Нугзар с женой Тосей и уважаемый мужчина. К ним торопливо подошел Хачикян.

— Слушай, земляк... скажи, что пошутил, — взмолился он. — Зачем хорошего человека в тюрьму сажать?

— Ишь, какой умный, — сказала Тося. — А за люстру кто нам заплатит? Она, между прочим, три тысячи стоит. Венецианское стекло...

— Заплатим. Клянусь Альбертиком, через три года всё заплатим.

— Опять двадцать пять, — усмехнулась Тося. — Сколько можно повторять. Ни на какие ваши комбинации мы не пойдем. Отстаньте!

...В зале шло судебное заседание. Валико сидел за барьером, его охраняли два милиционера. Народу в зале было немного.

Сейчас перед судьями стоял Папишвили.

— Место рождения? — спросила женщина судья.

— Город Телави.

— Где сейчас проживаете?

— Садовая, семь, квартира пять.

— Где работаете?

— На третьей базе.

— Кем?

— Рядовой сотрудник.

— Что вы можете рассказать по поводу данного инцидента?

— В Москве есть станция метро, названная именем Багратиона, — прочувствованно начал Папишвили. — Когда я проезжаю мимо, у меня слёзы на глазах появляются. И сейчас, когда я смотрю на скамью подсудимых, у меня слёзы. Но это другие слёзы. Это слёзы стыда. Мне стыдно, что я тоже грузин.

Валико усмехнулся.

— Отвечайте по существу, — сказала судья.

— По существу: Мизандари ворвался в мою квартиру, злостно и цинично избил меня, браня нецензурными словами.

— И люстру венецианскую разбил! — выкрикнула с места Тося.

— Помолчи! — успокоил её уважаемый мужчина.

— У меня вопрос к потерпевшему, — сказала адвокат. — Почему вы взяли медицинскую справку не в тот же день, а только двадцать четвертого?

— Некогда было, — сказал Папишвили.

— А почему вы взяли эту справку не в районной поликлинике, а у хирурга другого района?

— Шёл мимо и зашел.

— Вы были раньше знакомы с обвиняемым? — спросил лысый заседатель.

— Издалека.

— Была между вами личная неприязнь? Папишвили посмотрел на Валико. Тот отрицательно качнул головой.

— Нет, — сказал Папишвили.

А во дворе суда, беспрерывно дымя папиросой, метался Хачикян. Неподалёку, на скамейке, сидели пожилой мужчина, парень лет двадцати пяти и мальчик лет четырёх. Хачикян отбросил папиросу, подошёл.

— Друг, — обратился он к пожилому мужчине, — по глазам вижу — ты хороший человек. Там хороший парень погибает, он его пальцем не тронул, а этот... — Хачикян запнулся, посмотрел на мальчика. — Нехороший справку купил, а адвокат совсем маленький девочка — что делают, кому в руки судьбу человека дают! Ей в куклы играть. Как брата прошу, пойдём, дополнительным свидетелем будешь...

— Не могу, — сказал мужчина. — Адвокат — моя дочь.

— А... — Хачикян враждебно посмотрел на мужчину, перевел взгляд на парня.

— А я её муж, — сказал парень. — Она нас из зала выгнала — стесняется...

— Хачикян! — выглянула во двор девушка-секретарь. — Что я вас по всей Москве должна искать?!

— Слушай, дорогая, зачем волнуешься? Мне сказали: свидетели пусть удалятся, я удалился. — И Хачикян боязливо засеменил к дверям суда.

Возле дверей стояли симпатичный молодой человек в дублёнке и милиционер.

— Слушай, друг, — уголком рта, чтобы не слышал милиционер, зашептал Хачикян на ухо молодому человеку. — У тебя глаза хорошие, сразу видно — хороший человек...

К зданию суда подъехал крытый фургон с зарешёченным окошком.

— Поехали! — сказал милиционер и пошел к фургону.

Прикованный к милиционеру наручниками молодой человек в дубленке двинулся за ним. У машины он обернулся к Хачикяну:

— Извини, генацвале, некогда...

...Теперь суд слушал Хачикяна.

— Место рождения?

— Дилижан.

— Где работаете?

— Армтуннельстрой-два. Шофёр.

— Что вы можете рассказать по поводу данного инцидента?

— Все могу рассказать. Этот... — Хачикян ткнул пальцем в Папишвили.

— Потерпевший, — подсказала судья.

— Да, потерпевший... открыл нам дверь. а Валико-джан...

— Обвиняемый...

— А обвиняемый ему говорит: «Здравствуй, дорогой». А этот потерпевший говорит «Извини, я в туалет схожу». А она, — Хачикян показал пальцем на Тосю, — начал кричать: «Милиция, милиция!..»

— Значит, вы утверждаете, что обвиняемый не наносил побоев потерпевшему? — спросил прокурор.

— Конечно, не наносил. Пальцем не тронул, клянусь Альбертиком! Потерпевший заперся в уборной, а обвиняемый не смог дверь сломать.

— Значит, дверь он ломал?

— Зачем ломал?

— Вы сами только что сказали...

— Слушай, дорогой, я русский язык плохо знаю. Просто постучался и сказал, что тоже хочет... Слушай, такие вопросы задаете, что даже отвечать неудобно.

— Ну а люстру он разбил?

— Да. Зачем буду отрицать. Люстру мы разбили. Когда домой пошли, обвиняемый её случайно крышкой зацепил.

— У меня вопрос к свидетелю, — вмешалась адвокат. — Скажите, испытывал обвиняемый личную неприязнь к потерпевшему?

— Как не испытывал? Всегда говорил: «Такую личную неприязнь к потерпевшему испытываю — кушать не могу».

— А вот обвиняемый утверждает, что он не был знаком с Папишвили? — сказал судья.

Хачикян посмотрел на Валико. Тот кивнул.

— Слушайте, откуда знаком? Я же говорю, потерпевший ушёл в туалет, а обвиняемый мне сказал: «Рубик, кто это такой? Я его первый раз вижу...»

— Вы сказали, что обвиняемый разбил люстру крышкой. Как она там оказалась? — спросил прокурор.

Рубен Хачикян — артист Фрунзик Мкртчян

— Не разбил, а случайно зацепил.

— Хорошо, предположим... Ответьте на вопрос.

— Мы ему принесли. У него покрышки совсем лысые. Очень опасно ездить. Любители чем думают

— не знаю. Всегда аварию делают эти «Жигули». Прямо смотреть на них противно. Под ногами крутятся, крутятся...

— У нас не «Жигули», — крикнула Тося. — У нас «Волга». Врёт он все!

— Слушай, не мешай, — рассердился на Тосю Хачикян. — Я тебе не мешал, теперь ты помолчи!

Судья постучала карандашом по графину.

— Чья это была покрышка? — спросил прокурор.

— Моя. Я Сурику купил. А у Валикджан деньги кончились, я хотел продать... чтобы ему одолжить.

— Что же он в Москву без денег приехал?

— Почему без денег? В ресторане туда-сюда закусил, выпил — и кончились.

— Вопросов больше нет, — сказал прокурор.

— Садитесь, — сказал судья Хачикяну.

Хачикян сел.

— У меня вопрос к обвиняемому, — лысый заседатель повернулся к Валико. — Вот вы, вроде бы нормальный человек, пришли в квартиру, погнались за гражданином, разломали мебель. Какая-то причина должна быть.

Валико поднял глаза и встретился с напряженным взглядом Папишвили.

— Нет, — сказал Валико.

Папишвили чуть заметно ухмыльнулся уголком рта.

А перед Валико вдруг предстала картина: родная деревня и бегут по жёлтому полю навстречу вертолёту дети в разноцветных рубашонках...

— Таким образом, — заканчивал свою речь прокурор, — действия обвиняемого надо квалифицировать по статье двести шесть, часть вторая, и я прошу суд вынести меру наказания — лишение свободы сроком на два года.

— Вай! — Хачикян схватился за голову.

Тося злорадно улыбнулась.

— Тише, товарищи! — потребовала судья. — Ваше слово, Светлана Георгиевна.

Робко поднялась девушка-адвокат. Валико сидел уронив голову. Он ничего хорошего для себя не ждал.

— Вот... — Светлана Георгиевна подняла бумагу. — Я послала запрос в районную милицию города Телави и только вчера получила ответ. Зачитываю: «На ваш запрос отвечаю: 15 октября 1967 года между Папишвили Н. С. и Мизандари В. К. произошёл инцидент в ресторане «Алазани». Мизандари вошёл в ресторан и погнался за Папишвили. Поймал его в туалете и мокнул его три-четыре раза головой в унитаз, после чего был задержан органами милиции. Мизандари В. К. отказался дать какие-либо разъяснения по поводу своего поступка. Однако сестра его Е. К. Мизандари рассказала, что в 1965 году она работала под руководством Папишвили на базе № 2 подсобной рабочей. Папишвили Н. С., обещав жениться, склонил её к сожителству, однако обещания своего не сдержал. Е. К. Мизандари в 1966 году уволилась. Сейчас проживает в деревне Таркло, где работает на животноводческой ферме. В том же 1966 году у неё родился сын Варлаам».

— Уф, молодец, цаватанем! — крикнул Хачикян.

Тося вытаращила глаза на мужа. Валико по-прежнему сидел, низко опустив голову и обхватив её руками.

— Это не мой ребенок, — вскочил Папишвили.

Адвокат с презрением посмотрела на него и передала бумагу судье.

— Прошу приобщить к делу... И ещё одна справка. По поводу стоимости люстры. У меня есть заключение эксперта. Эта люстра не венецианского стекла, как утверждает потерпевший. Она изготовлена в Воронеже артелью имени Клары Цеткин и продаётся по розничной цене тридцать семь рублей сорок шесть копеек.

Папишвили резко повернулся к уважаемому мужчине.

— Меня самого обманули, Нугзар! — тот приложил руку к сердцу. — Клянусь честью! Век воли не видать!

...Солнце ярко светило. Таяло, и лужи были светлы от белых облаков. Адвокат Светлана Георгиевна весело бежала, прыгая через лужи. Её ждали родственники с цветами.

— Ну что? — спросил отец.

— Штраф! — радостно закричала Светлана. — Тридцать рублей! С выплатой ущерба!

Родственники кинулись обнимать Светлану.

Оранжевый грузовик мчал по одному из столичных проспектов.

Хачикян барабанил пальцами по рулю и напевал.

— Хороший девочка этот адвокат, — сказал он. — Сразу мне понравилась. Очень сердечный такой...

Валико согласно кивнул.

— Рубик, ты через Красный мост поедешь?

— Да.

— Тогда я там сойду, а оттуда до Телави на автобусе два часа.

— Нет, дорогой, я тебя до самого дома довезу, — сказал Хачикян. — Время у меня есть. Когда этот маленький неприятность случился, я телеграмму дал: «Прошу дать отпуск свой счёт».

— Рубик, а где ты всё это время жил? — прервал его Валико.

— Как где? Здесь, — похлопал по сиденью Хачикян. — Очень удобно. Я им на завод благодарность напишу... Слушай, а этот кошка где работает?

— Какая кошка?

— Которая в театр не пришла?

— Стюардесса. На международной линии.

— Э... Тогда понятно. Слушай, что ты хочешь... Если женщина каждый день космонавта видит, артиста видит, Петросяна видит, Иштояна видит, — конечно, ты для неё кто такой?

Валико не ответил. Потом сказал:

— Рубик, останови, пожалуйста. Я не поеду.

— Ва, зачем Валик-джан? Что я тебе сказал? — удивился Хачикян.

— Ты всё правильно сказал, Рубик. Этот Жебрюнас на два курса младше меня учился. А теперь он её командир. Мой вертолёт — три тысячи потолочек, и всё! А люди на Луну летают. Останови...

— Валик-джан, в жизни есть такие дороги, на которые, если пройдешь мимо, больше никогда не вернёшься. Подумай, Валик-джан.

— Нет, Рубик, я решил.

Хачикян прижал грузовик к тротуару.

— Спасибо тебе за всё, Рубик, — Валико обнял Хачикяна, взял свою сумку и вылез из машины.

— Подожди! — крикнул Хачикян.

Он выскочил из кабины с крышкой, положил крышку у ног Валико, потом вскочил в машину и резко рванул с места. Проехал метров пятьдесят, выглянул и крикнул:

— До свидания!

В одном из кабинетов ГВФ мужчина в очках листал папку с бумагами. Задержал взгляд на одной, посмотрел на сидевшего перед ним Валико:

— Так вам же тридцать пять лет...

Валико кивнул.

— Так мы после тридцати пяти лет на переподготовку не принимаем... — мужчина заглянул в папку, — товарищ Мизандари...

— Мне только позавчера тридцать пять лет исполнилось.

— Так надо было прийти хотя бы позавчера.

— Позавчера я сидел в тюрьме, — сказал Валико. — Как я мог прийти?

— Где? — переспросил мужчина.

— В Бутырской, — сказал Валико. — На третьем этаже.

Мужчина вытаращил глаза. Сидевшие за другими столами сотрудники оторвались от своих дел, с интересом уставились на Валико.

— На третьем этаже, — сообщил им Валико. — В восьмой камере.

...Неказистый мужичонка лет сорока воровато огляделся по сторонам, потом подхватил крышку, которая стояла у стены возле подъезда ГВФ, и пошел.

— Гражданин! — окликнул его милиционер.

— Чего?

— Чья это крышка? — Милиционер подошёл ближе.

— Моя, — уверенно сказал мужичонка.

— А я видел, её тут грузин поставил.

— А, это Автандил, друг мой. В армии вместе служили.

Из подъезда вышел угрюмый Валико.

— Товарищ, — позвал его милиционер, и Валико испуганно вздрогнул. — Это ваша крышка?

— Нет! — отозвался Валико.

Я ж говорю, моя, — сказал мужичонка. — Ну, Автандил, я пошёл, — сообщил он Валико. — Привет Таризлу!

— Произвел посадку самолет рейсом 936 Тбилиси-Москва — объявил диктор аэропорта «Внуково».

С лётного поля в зал вошел экипаж отряда грузинской авиации.

— Простите, — подошёл Валико. — Цурцумия сегодня не прилетит?

— Жора? — спросила стюардесса.

— Да.

— А что вы хотели?

— Понимаете, я лётчик, а у меня билета нет.

— Жора по нечётным. Завтра вторым рейсом.

Кадр из фильма

...В мужском туалете, с ремнями на шее, брились перед зеркалом молодые солдаты.

— Ребята, часы кто-нибудь купит? — спросил Валико, показывая свои именные часы. — Пять рублей...

— Есть часы, — отказались ребята.

— Ну, два... — сбавил цену Валико.

— Солдат-узбек заинтересовался:

— Водонепроницаемые?

— Водонепроницаемые, антимагнитные и антиударные.

Солдат взял часы, перевернул, прочел вслух:

— «В. К. Мизандари за мужество, проявленное при спасении 6-й бригады 7-го СМУ». А почему не написано, что антиударные?

— Антиударные, антиударные, — заверил Валико. — Вот смотри. — Он поднял часы и бросил на каменный пол. Поднял. — Видишь?

Узбек полез за деньгами. Второй солдат подошёл, взял часы, послушал.

— Да они не ходят.

— Как не ходят?

— Вон секундная стрелка стоит.

— Секундная стрелка действительно стояла на месте.

— Теперь не ходят, — согласился Валико. И положил часы в карман.

...К буфету тянулась очередь. Валико стал в хвост. Продавали пирожки, булочки, колбасу и прочую еду, от вида которой Валико сглатывал слюну.

— Кофе сколько стоит? — спросил Валико, когда подошла очередь.

— Двенадцать копеек.

— А чай?

— Семь.

— Чай хочу. — Валико положил десять копеек.

Буфетчица налила ему чай и дала три копейки сдачи.

— Не надо, — царственным жестом отодвинул монету Валико.

— И мне не надо, — отказалась буфетчица.

Валико забрал три копейки, взял чай и отошёл к мраморному столику. Здесь стоял пожилой мужчина без руки, в тулупе, ватных штанах и в валенках. Ел сосиски...

— Свободно? — Валико поставил стакан на стол.

Мужчина кивнул. Потом пристально посмотрел на Валико. А тот достал пачку, вытащил последнюю сигарету, закурил. Мужчина продолжал смотреть с назойливым любопытством. Валико, подхватив стакан, перешёл к другому столику. Мужчина подумал, поднял свой деревянный чемодан и пошёл следом. Валико отвернулся. И вдруг заметил идущую по лётному полю Ларису. Он вздрогнул, вгляделся пристальнее. Нет, это была не Лариса.

— Молодой человек, как ваша фамилия? — спросил мужчина.

— А вам не всё равно?

— А что, секрет?

— Секрет, — насупился Валико.

— Костя Мизандари тебе не родственником приходился?

— Отец, — не сразу ответил Валико.

Мужчина придвинулся к Валико и крепко прижал его к себе левой рукой.

— А я вот всё гляжу, гляжу... Думаю, что за чудо? Постаревший Костя! — Он отстранился, посмотрел на Валико. — А я Волохов. С твоим батькой летал. Не слышал?

— Нет.

— Ну да... Откуда... Вот на Волгу на подлёдный лов собрался к ребятам. Хочешь, полетели вместе!

— Нет, спасибо, я домой!

Перед сплошь застеклённым зданием остановилось такси. Вылезли Волохов и Валико.

Валико посмотрел на солидный подъезд, на Волохова в валенках.

— Дядя Коля, не надо. Бесплезно все это.

— Нет уж! Чтобы сын Константина Мизандари из-за двух дней... — Волохов левой рукой открыл дверь солидного подъезда.

— Ваш пропуск, — остановил его вахтер.

Волохов похлопал рукой по карманам.

— У меня с собой только паспорт.

— Дядя Коля, поедем на рыбалку, — предложил Валико.

— А у тебя есть с собой какое-нибудь удостоверение?

Валико вздохнул, полез в карман. Протянул вахтеру удостоверение.

— Проходите, — разрешил вахтер.

— Я с ним, — сказал Волохов. — Он за меня ручается.

В просторной, обитой дубовыми панелями приёмной ждали два генерала и трое в штатском с портфелями и папками. Возле высокой двери сидела секретарша.

Вошёл человек в сером костюме, и штатские тут же встали.

— У себя? — шепотом спросил секретаршу человек в сером.

— Он по ВЧ разговаривает. Подождите минут пять.

Человек в сером сел и люди в штатском тоже сели.

В приёмную вошли Валико и Волохов в свитере, ватных штанах и валенках. На этот раз поднялись генералы и человек в сером.

— Посиди здесь, — велел Волохов и пошёл прямо в высокую дверь.

— Куда?! — крикнула секретарша и помчалась следом за Волоховым в кабинет. Вернувшись, сняла телефонную трубку и сказала:

— Нина, два чая.

Валико присел на кончик стула рядом с человеком в сером.

— Иван Сергеевич, кто это? — спросил один из штатских.

— Волохов. Знать надо.

— А... — Штатский закивал головой.

— Простите, так это тот самый Волохов? — спросил Валико соседа.

— Тот самый.

— Ва! — удивился Валико.

— Мизандари! — раздалось по селектору.
— Это вас! Идите! — сказала секретарша Валико.
Он встал и вошел в высокую дверь. Секретарша снова сняла трубку:
— Нина, ещё один чай!

Лали ехала верхом на лошади. Сначала она была далеко-далеко, потом близко-близко... Варлаам сидел дома у окна и смотрел на Лали в бинокль.
— Лали! — позвал с другого склона горы пастух.
— Что?
— Замуж за меня выходи!
— Нет.
— Почему?
— Не хочу?
— Почему?
— Потому!
— Валико улетел и никогда больше не прилетит!
— Никуда он не денется! — закричал из окна Варлаам.

В небе летел роскошный сверхзвуковой лайнер.
Валико в новеньком, тщательно отутюженном аэрофлотском костюме шёл по салону. Увидел собачку на коленях пожилой дамы, улыбнулся, почесал собачку пальцем за ухом.
— Скажите, пожалуйста, какая температура за бортом? — спросила дама по-английски.
— Один момент, — тоже по-английски и с достоинством ответил Валико.
Он прошёл в подсобное помещение, наклонился к стюардессе:
— Катюша, разберитесь со старушкой. Кажется, она пить хочет.
Войдя в пилотскую кабину. Валико остановился в дверях, окинул внимательным взглядом приборы.
— Что, Валентин Константинович, к штурвалу тянет? — спросил пилот Сергиенко.
— Да, — сознался Валико.
— Ничего, пройдешь стажировку, и сам себе сокол.
Валико вернулся в подсобку, достал бутылку «Боржоми», открыл её о край стойки, ударив по пробке кулаком.
— Валентин Константинович, открывалка же есть, — укоризненно напомнила Катя.
— Извини, дорогая, забыл, — сказал Валико и стал пить «Боржоми» из горлышка, держа бутылку не менее чем в десяти сантиметрах ото рта.
— Уважаемые пассажиры! — объявила в микрофон стюардесса. — Пролетаем Копенгаген. Температура за бортом минус шестьдесят градусов. Благодарю за внимание.
Валико посмотрел в иллюминатор. Далеко внизу были облака.

Зал зарубежного аэропорта. Валико нерешительно топтался возле прилавка с сувенирами.
— Что вы хотите? — спросила продавщица по-английски.
— Мне нужен... — начал Валико по-английски, а закончил на грузинском: — крокодил.
— Простите, не понимаю.
— Крокодил, — пояснил он по-русски, потом развел руками и полязгал зубами. — Крокодил!
— Крокодил? — переспросила продавщица.
— Да, конечно. Я хочу очень! — на английском подтвердил Валико.
— Живой или игрушка? — продавщица тоже перешла на английский.
— Не понимаю, — по-английски же отозвался Валико.
— Живой или игрушка? — Теперь вопрос прозвучал на французском.
— Не понимаю! — сказал Валико по-французски.

— Живой... — продавщица перешла на немецкий и хищно поклацала зубами, — или игрушка? — Она показала пальцем на игрушечного коня.

— Игрушка! — радостно откликнулся на немецком Валико.

— Вы говорите по-немецки? — обрадовалась продавщица.

— Нет, только по-английски, — скромно сказал Валико по-английски.

— Поезжайте в Бланд-центр. Там имеются любые игрушки. Это недалеко — десять миль. Понимаете? — Чтобы было понятнее, продавщица кричала во весь голос.

— Понимаю! — крикнул и Валико. — Спасибо! — Он извлёк из кармана маленькую матрёшку, протянул продавщице: — Сувенир.

Валико вышел в зал. В динамиках невнятно звучали объявления, пассажиры неторопливо собирались у входа в таможню. Проехала стюардесса на самокате, плавно отталкиваясь длинной стройной ногой. Валико проводил её взглядом. И вдруг увидел медведя в сомбреро и джинсах, человека с сигарой и маленького медвежонка. Человек с сигарой тащил два больших чемодана. Валико обрадовался.

— Мики! — позвал он.

Медвежонок на мгновение повернул морду и скрылся за стойкой таможни.

— Мистер, вы не хотели бы подписать это? — К Валико подошел нечёсанный парень в хламиде и протянул ему какой-то листок.

Валико похлопал себя ладонью по рту, по ушам и помахал рукой, изображая глухонемого.

— Мммм...мм... — промычал он.

Парень вздохнул, свернул в сторону. К его спине был прикреплен транспарант, где на трёх языках — немецком, английском и французском — было написано: «Боритесь за однополюю любовь!»

Советский экипаж сидел перед телевизором в комнате представительства «Аэрофлота». Показывали хоккейный матч.

— Андрюша, хочешь в город съездим? — позвал Валико Сергиенко.

— Нет.

— Мне в Бланд-центре купить кое-что надо, а ты город посмотришь. За такси я плачу, — уговаривал Валико.

— Да видел я его двести раз! — отмахнулся Сергиенко.

Валико отошел.

— Владимир Николаевич, можно я в город поеду? — спросил он у командира корабля.

— Поезжайте, — разрешил командир. — Только имейте в виду: вылет в четырнадцать пятнадцать. Время местное.

— Слушаюсь. — Валико вздохнул. — Товарищи, может, кто-нибудь хочет в город поехать?

— Ну давайте я поеду, — без охоты предложила стюардесса Катя.

— Не надо, — сказал командир. — Пусть привыкает самостоятельно ориентироваться в обстановке. Сядет в такси, скажет: «Бланд-центр». Сядет обратно, скажет: «Аэропорт». Справится, не маленький.

Такси мчалось по автостраде мимо гигантских щитов рекламы.

— Кувейт? — спросил водитель, взглянув на Валико.

— Нет. Грузин.

— Не понимаю.

— Кавказ.

Водитель не знал. Тогда Валико достал из кармана матрёшку и дал ему.

— А... Рашен, — догадался водитель.

Маленький квадратик льда во внутреннем дворе торгового центра пестрел фигурами катающихся. Вокруг стояли зрители.

Валико с покупкой в руке шел мимо. Любовался. Увидел на задку джинсов одной из зрительниц вышитую подкову. Остановился — вспомнил наказ Ваню.

— Мистер, — обратился он по-английски к человеку в шляпе с короткими полями и пёрышком. — Где я могу купить это? — Валико как можно деликатнее показал пальцем на подкову на джинсах зрительницы.

— Не знаю, — холодно ответил тот и отошел.

— Мистер, — потянул Валико за рукав арабчонок лет одиннадцати. — Моя знает. Пошли.

...Они подошли к небольшому ресторанчику, остановились у окна. В пустом зале за столиком сидела густо накрашенная женщина, курила.

— Вот, — сказал мальчишка. — Очень хороший женщина. Двадцать долларов.

Валико улыбнулся.

— Ты меня не понял. Мне нужна... подкова. — Последнее слово он произнес по-русски. — Понял?

Мальчишка огорченно покачал головой. Тогда Валико поднял ногу и как бы прибил к каблуку молотком подкову. Потом как бы вскочил на лошадь, как бы огрел её уздечкой и поскакал.

— Понимаю! — сказал арабчонок. Немного подумал, позвал: — Пошли!

Валико посмотрел на часы.

— Это здесь, внизу, — арабчонок показал пальцем на асфальт.

...В тускло освещенном подвале работали арабы-грузчики. Арабчонок провёл Валико по коридору в маленькую комнату. Там, на ящиках, сидел пожилой араб. Курил кальян.

— Ему нужна подкова, — пояснил мальчишка.

— Ковбой? — спросил араб.

Он поднялся, неторопливо перетащил три ящика и в нижнем нашёл четыре ржавые подковы.

— Две марки.

Валико заплатил. Еще одну марку дал мальчишке. Потом достал из кармана две матрёшки:

— Сувенир.

Тогда араб порылся в ящике и протянул Валико горсть гвоздей.

— Не надо, — отказался Валико.

— Сувенир, — сказал араб.

...Валико вышел из подвала, пошел мимо телефонных кабинок. Остановился, подумал, посмотрел на часы — время ещё было. Он подошел к девушке, сидящей за стеклом.

— Я хочу позвонить в Дилижан. Армения. Советский Союз. Это возможно?

Девушка разобралась в его английском, но отрицательно покачала головой. Валико вышел. Потом, что-то сообразив, снова вернулся.

— А в Телави? — спросил он. — Это возможно?

— О, да!

— Сколько?

— Минута пять марок.

Валико подумал, написал номер и дал телефонистке.

— Пройдите сюда, — показала телефонистка.

Валико прошел в будку, снял трубку.

— Алло!

— Это Анзор? — завопил Валико по-грузински. — Это я, Валико. Кукуша позови!

— Это не Анзор. Это Исхак.

— Все равно! Кукуша быстро позови. Деньги идут!

— Какого Кукуша?

— Это коопторг?

— Подожди! Какой коопторг? Ты куда звонишь?

— В Телави!

— Тебе перепутали! Тель-Авив это! Израиль! Вай-вай...

Ошарашенный Валико помолчал.

— До свидания, — наконец произнес он.

— Подожди, не вешай трубку... Ты в Кутаиси давно был?

— Давно! Опять помолчали.

— До свидания, — снова сказал Валико.

— Подожди, подожди, не вешай! Слушай, генацвале, скажи мне слова «Фазтончика». Мотив знаю, а слова забыл. Спрашиваю, никто не помнит.

На съёмке фильма. Слева режиссёр-постановщик — Георгий Данелия

Валико сосредоточился и пропел:

— Уже светало, по пустым улицам шел старый подвыпивший фаэтонщик. Нет ни фаэтонов, ни лошадей. Фаэтонщик шел и прощался с этим миром...

На другом конце провода было тихо.

— Алло! Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Почему молчишь?

— Плачу!

Валико вздохнул. Посмотрел на часы и торопливо проговорил:

— Алло! Исхак! У меня больше свободных денег нет. Сделай одолжение: позвони в Телави Кукушу и скажи ему, чтобы он позвонил Хачикяну в Дилижан и сказал, что я ему жёлтого крокодила купил. Телефон Кукуша такой же, как твой. Телефон Хачикяна пять-тридцать два. Позвонишь?

— Если бы у меня свободные деньги были, разве б я здесь сидел, — сказал Исхак.

Валико ехал на такси и с тревогой смотрел на счётчик. Когда счётчик показал 2,60, Валико крикнул: — Стоп!

Валико бежал по обочине шоссе. Он бежал навстречу щитам «Приобретайте дома»...

...мимо нефтяных вышек,

...по трёхэтажной эстакаде.

Мимо леса он уже не бежал, а шёл, с трудом волоча ноги. Посмотрел на часы и снова побежал.

...Валико бежал по эскалатору. Потом побежал по залу.

— Мизандари!

Оглянулся. Навстречу шёл советский экипаж. Впереди Жебрюнас, за ним Лариса Комарова.

— Что ты здесь делаешь? — удивился Жебрюнас.

— Бегу! — выдохнул Валико.

— Ну, рассказывай! — Жебрюнас приготовился слушать. И Лариса тоже остановилась и смотрела на Валико.

— В Москве, в Москве... — Валико махнул рукой и побежал дальше.

— Ионас Пранович, — спросила Лариса командира, глядя вслед Валико, — это тот Мизандари, который сокол?

— Он самый.

— Товарищ Мимино! — крикнула Лариса. — Товарищ Мимино!

Валико её не услышал.

— Товарищ Мимино! — Лариса побежала за Валико. — Товарищ Мимино, подождите!

Валико остановился. Оглянулся. Тяжело дыша, смотрел на подбежавшую к нему Ларису. Вытер ладонью пот с лица.

— Здравствуйте, — подбежав, она протянула ему руку. — Я Комарова, нас Жебрюнас в Тбилиси знакомил. Помните?

Валико не ответил.

— Вы, наверное, на меня обижены, — продолжала Лариса. — Только знаете... это вы не со мной разговаривали... Это Вероника, сестра моя младшая. Она вечно всех разыгрывает... Так что не сердитесь.

Валико, вытаращив глаза, смотрел на Ларису. Наконец до него дошёл смысл её слов. Широко улыбнулся и спросил:

— Да?

— Да, — сказала Лариса. И тоже улыбнулась.

— У нас вылет сейчас. Опаздываю, — сказал Валико, по-прежнему улыбаясь.

— А мы только прилетели, — улыбнулась Лариса.

— Я побежал.

— Вы мой голос запомнили? — спросила Лариса.

— Запомнил!

— Теперь не перепутаете? Ну, бегите, — улыбнулась Лариса.

Кукуш напяливал кепку на очередного клиента, когда из мясного магазина напротив выбежал Анзор и заорал на всю площадь:

— Кукуш! Иди к телефону. Международный! Исхак из Израиля звонит!

— Кто? — не понял Кукуш.

— Исхак из Израиля!

— Нету меня, нету! — перепугался Кукуш. — Переучёт!

Хачикян, окунувшись в двигатель — из-под капота торчал только его зад, — занимался своим грузовиком. Из стеклянной будки выглянул диспетчер.

— Рубик, — крикнул он. — Тебя междугородняя вызывает.

— Ленинакан?

— Телави!

— Это Валик-джан! — Хачикян торопливо вытирал руки ветошью. — Я ж ему говорил...

— Что? — не понял стоявший рядом механик.

— Умные вещи, — бросил Хачикян, спеша к будке диспетчера.

Взял трубку:

— Валик-джан, здравствуй, дорогой! Как поживаешь? Ах, не ты... А кто? Откуда? Коопторг? Здравствуйте! Что-нибудь случилось? А... Спасибо вам большое, спасибо, дорогой. До свидания!

Хачикян положил трубку, сказал диспетчеру:

— Альбертику купил в Европе крокодила. Жёлтого.

— Что? — не понял диспетчер.

Хачикян пошел к машине, на полпути остановился, грустно сказал:

— Молодец, Валик-джан.

У машины вдруг набросился на механика:

— Ты чего халтуришь? Если делаешь, делай, как следует?

— Где я халтурию? — обиделся механик.

— Везде! — буркнул Хачикян и полез в двигатель. Покопавшись, выглянул и назидательно сказал механику: — На любую дорогу можно вернуться. Если она правильная.

Комарова Лариса Ивановна —

артистка Елена Проклова

Валико сидел за штурвалом лайнера, и гигантская машина была послушна его рукам. Посмотрел на приборы, переключил один из рычажков на панели управления, покосился на сидящего рядом Сергиенко. Тот кивнул — мол, правильно.

— Через год командиром корабля будешь.

— Буду! — согласился Валико.

— Ты вот что... — сказал Сергиенко. — Как прилетим, подавай заявление на однокомнатную квартиру, у нас в городке два дома строятся.

— Почему на однокомнатную? Мне двухкомнатная нужна.

— Двухкомнатную на одного не дадут, — сказал Сергиенко.

— Сегодня один, а завтра... — Валико подумал, сказал: — В Большой театр буду ходить... — Ещё подумал: — В музеи...

— Уважаемые пассажиры, — зазвучал в динамике голос стюардессы Кати, — пролетаем главный Кавказский хребет. Справа — Казбек, слева — Эльбрус. Благодарю за внимание.

Повторила то же самое по-английски.

Валико посмотрел вниз. Но там были видны только облака. Валико погрустнел. Повернулся к Сергиенко:

— Спасибо, Вася. Садись.

— Можешь еще, если хочешь, — великодушно разрешил Сергиенко.

— Нет, спасибо. Потом. Сейчас пойду воду выпью.

Уступив место за штурвалом Сергиенко, вышел в подсобное помещение. Достал из ящика бутылку «Боржоми», посмотрел в иллюминатор. Открыл «Боржоми» об угол стойки, ударив по пробке кулаком.

— Валентин Константинович, — упрекнула стюардесса Катя, — открывалка же есть.

— А? — Валико оторвался от иллюминатора, недоуменно посмотрел на бутылку. — Извини, дорогая...

Поставил бутылку. Сел в кресло. Пробормотал неуверенно:

— В Большой театр ходить буду... В музеи...

— Что? — не поняла Катя.

Валико не ответил. Он думал. Подумав, добавил:

— На коньках научусь кататься...

...И почудилось ему, что он плавно, под музыку, скользит по пустому зеркальному квадрату катка. Сделав несколько пируэтов, крутится волчком. Всё быстрее и быстрее. Вдруг резко затормозил, замер, растерянно глядя перед собой.

И Валико шагнул к плотно задраенной двери авиалайнера.

— Мизандари, — раздался мужской голос. — Рябцева, где Мизандари? — спросил у Кати выглянувший из рубки командир лайнера.

Катя посмотрела на кресло, где только что сидел Валико, растерянно воскликнула: — Вот только что здесь сидел...

— Та-ра-ра-ра, та-ра-ра-ра!.. — вопил Валико на весь Кавказский хребет, спускаясь по покрытой снегом горе. На полпути споткнулся и поехал на задку по снежному склону, стремительно набирая скорость, и затормозил каблуками возле здания аэропорта «Норка-2».

Одноногий Ваню рубил дрова. Из трубы поднимался жиденький дымок.

— Здравствуй, Валико.

— Здравствуй, Ваню, — сказал Валико, вставая.

— Ты почему пешком? — спросил Ваню.

— Нелётная погода... Вай-вай-вай...

— Что, ударился?

— Подковы твои в самолёте забыл.

— Ничего... Подковы в Телави завезли, сколько хочешь. Надо было гвозди попросить. Гвоздей нет.

— Гвозди я тебе привёз! — Валико вывернул карманы и высыпал гвозди. — Ну, я пошёл.

И он зашагал по склону.

— Валико! — крикнул Ваню.

— О!

— У тебя штаны сзади порвались.

Валико проверил — действительно, порвались.

— Слушай, слева — Казбек, справа — Эльбрус. Такая красота, а ты куда смотришь? — крикнул он.

Вдруг из ущелья донеслось тяжёлое дыхание. Валико подошёл к краю обрыва, посмотрел вниз.

Внизу, по снегу вдоль горной речки, бежал всклокоченный мужик, прижимая к груди улей. За ним гнался медведь.